

ЛЕНИН ЖИЛ, ЛЕНИН ЖИВ, ЛЕНИН БУДЕТ ЖИТЬ!

22 апреля 1970 года. В канун этой великой даты в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, открылось торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета Союза ССР и Верховного Совета РСФСР, посвященное 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. С огромным вниманием был выслушан доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «Дело Ленина живет и побеждает».

В юбилейных торжествах принимали участие партийно-правительственные делегации социалистических стран, делегации коммунистических и рабочих партий капиталистических и развивающихся государств, национально-демократических партий и организации левых социалистических партий, профсоюзных и других прогрессивных международных организаций.

Празднование юбилея проходило в обстановке всенародного подъема. Молодое поколение Стран Советов отметило его новыми делами и свершениями. Ленинский зачет, Всесоюзное комсомольское собрание, коммунистический субботник, манифестация молодежи на Красной площади стали боевым смотром трудовых дел, марксистско-ленинской подготовки и общественно-политической активности, организованности и дисциплины, вылились в величественную демонстрацию торжества ленинского дела, глубочайшей жизненной силы ленинских идей, готовности и решимости молодежи по-ленински жить, работать и учиться.

Торжественное заседание в Кремлевском Дворце съездов. Выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев.

КЛЯТВА МОЛОДЕЖИ

На манифестации
московский комсомолец

Цитирует Ленину...

Фото Виктора САКНА
и Мирослава МУРАЗОВА

ВОЗВРАЩЕННЫМ МИЛЛИОН

Лина ТАРХОВА

«Я человек — существо социальное. От меня, как от точки, существует проекция назад, в прошлое, в глубину... и проекция вперед, в будущее... Я узелок, связывающий эти две нити... У меня есть корни в земле и побег в небо». Я помню, какого писателя эти слова, выписанные мною когда-то в блок-

нот. Недавно вспоминал эти слова, как точное выражение моих впечатлений. Они попадались, когда я обдумывала свои встречи на одном заводе.

Завод это — Московский насосный. Больше ста лет уже тихо стонет он на Озерковской набережной, но возмущая тишину мощным индустриальным гулом и не размахивая в небо шлей-

фами дымов. Тихо и скромно делает он свое серьезное дело — выпускает самые разные, позарез необходимые стране насосы.

Так вот, о словах из блокнота. Мне они кажутся точным «эпиграфом», выразившим положение человека в «социальном пространстве» и во времени. Кого-нибудь может покоробить сухая геометричность образа, но ясно ведь, что «точка» и нем — это «почка» будущей ветви.

Слова эти справедливы независимо от того, думаем мы о своей связи с прошлым, о месте в будущем или нет. Чаще не думаем. Пока книга, или встреча, или иное событие не отодвинут прочь неважные дела и не покажут не только суть какого-либо явления, но и его смысл.

Таким событием для комсомольцев насосного завода было выступление на собрании заводской молодежи Семена Григорьевича Саудкого. Роясь в архивах завода — они велись составлять историю насосного — комсомольцы нашли документ, заставивший их сердца дрогнуть от счастья: в старом номере заводской газеты рассказывалось, что в 1918 году Ленин по просьбе рабочих распорядился выдать насосному заводу (тогда он назывался чугунолитейный и машиностроительный завод об-ва Добрых и Набоковых) миллион рублей.

Ждаю читают дальше: кто же передал Владимиру Ильичу просьбу завода? Следующая строка вносит ясность: решением общего собрания К. вождю мировой революции В. И. Ленину посланы рабочие Петров и Саудкий.

Семен Григорьевич Саудкий — кто же его не знает! Когда Саудкого провозжали на весию, один из старых друзей сказал, что прощаться, мол, не будем, все равно завтра же к нам в цех и явятся. В точности так оно и было. Саудкого показывали всем новичкам: «Ты самый-самый молодой здесь, а он самый старший, еще до революции на заводе работал. Понд!»

В день, когда комсомольцы сделали свое открытие, Семена Григорьевича, как висло, на заводе не было видно. Но ждать не хватало терпения, и они гурьбой являлись в его квартиру. За-торношная, забросила вопроси.

Седой, хрюкший старик улыбался и с удовольствием и неторопливой обстоятельностью рассказывал все, что обещало несколько дней повтора на общем собрании.

...В 1918 году машиностроительный завод об-ва Добрых и Набоков (чугунное литей) был приведен в отчаянное положение. Со дня революции власть на заводе принадлежала рабо-

«Мы гордимся тем, что являемся резервом и помощником Коммунистической партии, что вместе со всем советским народом претворяем в жизнь грандиозные задачи коммунистического строительства» — эти слова прозвучали 22 апреля на Красной площади. В день 100-летия со дня рождения великого вождя молодежи Москвы и Подмосквы пришли в Ленину. Грандиозная манифестация стала еще одним свидетельством любви и верности идеям Ильича.

На юные лица — торжественность и строгость. Лучшее из лучшего принимаю сегодня на Красной площади в пионеры и в комсомол. Их приветствует прославленный летчик, трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин.

Торжественная мелодия летит над площадью. Комсомольцы возглавляют и стены Маяковского цветы. Елзветт вверх шир со ством. На нем — портрет В. И. Ленина. С песней «Мы — молодая гвардия» проходят молодые москвичи по площади.

чим, но старым хозяевам удалось уговорить оставить их в правлении. Оставил, да другого выхода и не было: читать и писать многие едва умеют, кто прокладочник мог составить, тот и главный грамотей.

Хвостое правление Добровых привело завод к полному банкротству: на складах ни сырья, ни топлива, рабочим не платили два месяца.

В безвыходную минуту собрание постановило обратиться за помощью к товарищу Ленину.

— Говели мы! — Семен Григорьевич как будто удивляется своей то-dayшней работе. — Ленин о нашем заводе слыхом не слыхивал, а мы помощи просим. Но Владимир Ильич встретил нас очень даже приветливо, все допытливо разузнал, и в тот же день дал резолюцию Госплану — дать заводу мильонов рублей. Это в голодомном восемнадцатом году! Мы от счастья даже ослабили, ни идти, ни говорить не могли. Мы — миллионеры!

Мильон да жизнь заводу. Рабочие получают зарплату. На оставшиеся деньги организовали столовую, бухгалтерию, бытовые помещения. Постепенно профизм завода стал приспосабливаться к нуждам текущего момента, и сегодня без него уже не представлять хозяйство страны.

Но это только начало истории мильяна. Продолжение поседовало

пятьдесят лет спустя, после собрания, на котором Семен Григорьевич рассказывал о самом ярком дне своей жизни.

Ленин, страна дали заводу мильон, рассуждали после собрания комсомольцы. Авансом дали, в счет будущих успехов. И хоть никто не требует вернуть его, завод давно выплачивает мильон своей продукцией, нельзя же, зная о долге, не вернуть его.

Комсомольцы хотели откупить себя Достойными прошлым и потому редики вернуть долг.

Они еще не записали решение официально, в протоколе очередного собрания, но только и было крутом разговором, что о денявском мильяне. С самого начала было ясно, что он будет выражаться в сверхплановой прибыли. Но как ее выжить? Да и почему сегодня мильон 1918 года!

Спецназисты сказали, что он стоит сейчас несколько тысяч рублей. Это ребята не поверили. Все были избу доображены, хотелось замануться на больше. И не просто хотелось, комсомольская организация завода готова была и сорезать его делью.

Очень заманчивым казалось вернуть мильон новыми деньгами. Это предложение долго обсуждали, верта его со всех сторон. Одним комсомольцам

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 10 [103]

МАЙ
1970

Наша обложка: делегат XVI съезда ВЛКСМ Донецкий шахтер Александр Балакин

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

1 100-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА. Рассказ о юбилейных торжествах.

6 ОТ СЪЕЗДА К СЪЕЗДУ. Страницы комсомольской летописи.

10 РАБОЧАЯ ФАМИЛИЯ. Репортаж о станочниках завода «Электросила».

22 ЛЮБОВЬ — ХЛЕБ МОЛОДОСТИ. Писательница Лидия Обухова о молодой семье.

27 «ВОСКРЕСЕНЬЕ, В ТРАМЕ...» — рассказывают студия Театра рабочей молодежи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ИМЕНИ ЛЕНИНА. ДНИ И НОЧИ МЕТРО.
РЕПОРТАЖ О ДЕЛАХ КОМСОМОЛЕНА
МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА

РАБОЧИЙ СЕРВИС ВО ЛЬВОВЕ

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СПОРТКЛУБЫ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

ПАРАДОКСЫ МУРТАЗА ХУРЦИЛВАИ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Е. И. Рабинович, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

КРАСНЫЙ СУББОТНИК

Репортаж

с «Запорожстали»

четыре человека приставлены к марену. Стальвар Егор Прокураев, Валерий Белик, Руслан Скоп и номочк Фергерь Илчаче, которого все называют просто Юра.

Четыре характера, четыре судьбы... Каждый пришел в этот день на завод со своими заботами. У каждого своя жизнь. И мысли — о своем. Это стальварские роботы, как мушкетерские плащи, делают всех их в виду одинаковых.

...Вот подошел Егор. Рука нашла нужную кнопку на пульте, в лицо — к марену. Теперь, пожалуй, можно пускать. Теперь с этой планкой в расчете. Но только он один пока знает, что всех их ждет новая забота.

— Трофимыч стоит из-за железа. И нам стоять...

Надо было видеть, как застыли их лица. Обида прошла восторг, самая радость трудной, только что завершённой планки. Ну как же так! Почему! Ведь это же несправедливо — быть судьбе такой жестокой... Но судьба глупа. А есть иповорный щек, отличные ребята, но что-то у них сегодня не ладится с погрузкой... И даже веселый вьетнамец Нгуен Дак Тиао, проткнувший из училища, — он тоже вышел на суботник... услышав вест, принесенную Егором, приулил. Курит «Волну» человек, забросенный к нам бог знает откуда, и переживает за наш мартен. Сто дней назад бригада Егора встала на линейную катуку и накануне этого субботнего дня сварила сотую скоростную планку. Директорский телепай отлучал в Москву, в ЦК ВЛКСМ, телеграмму, а Егор, выдав 389-ю тонну сверхплановой стали, продолжал работать и соби-

такое не под силу — на комсомольском учете насосного завода шестьдесят восемь человек. Пошли к директору, главному инженеру. Предложение комсомольцев совпало с планами реинтенальной реконструкции насосного. Руководители завода намеревались обновить оборудование, перестроить цеха, столовую.

Директор, инженеры, комсомольцы считали, считали. Миланов получился — при условии полной мобилизации сил рук и ума каждого. Старые рабочие тоже одобрили комсомольскую затею, и только после всего этого в заводском плане появились строка: по инициативе комсомольцев дать к 22 апреля 1970 года миланов рублевый прибыль сверх плана. Времени на это было отмерено два года.

...Когда прикидывали, как накопить миланов, стало ясно, что деньги эти дадут прежде всего смекалка рабочих и инженеров и строгая охрана экономики во всем.

Требование бережливости довольно трудно совместить с психологией подорка или рабочего чуть старше. Дома за них берут копейку, как правило, родителю. У ребят не пользуются авторитетом смежоты. Такими они и приходят в цех. Но такими им не дают оставаться на заводе.

В прошлом году на насосном начала

работать совет молодого рабочего. Он существует, чтобы молодым лучше жилось на заводе и заводу было больше пользы от них. Возглавляет совет Виктор Полушкин, один из лучших токарей завода. Члены совета знают о молодых рабочих все: кто откуда пришел, кем мечтает работать, в каком кружке самостоятельности хотел бы заниматься. На каждого есть в совете карточка. Она не позволяет забыть, что кого-то пора переводить на высший разряд, кому-то пора пойти учиться.

Когда взялись за миланов, работать стало хорошо — этого стало мало. От каждого требовалась полная отдача сил, поблагодобле посмотреть на все, с кем сваялись, смирились, новыми, придирчивыми глазами.

Посмотрели — и увидели, вспомнили, например, что реинвений производной станок уже лет 15–20 почти не работает. Останка изнасилась, протяжки к нему погнулись. Отремонтировать станок поручили Александру Губернатору — недавнему выпускнику института имени Губкина, секретарю комитета ВЛКСМ завода. Саша занимался станком с упоением — вое каждому молодому специалисту так вот сразу доверяют самостоятельную работу.

Станок уже работает на полную мощность, и вое десять минут, как

прежде, а 2–3 минуты требуются для обработки на нем детали. Товарищ Саша Губернаторова по институту и по заводу Юра Ленский проектировал недавно осласку для обработки восьми деталей самым прогрессивным — электрохимическим — способом. Юра Поляк, тоже молодой конструктор, взялся сделать термостат для заводской литейки.

...Работа кипела, и где-то в недрах заводских гробосбухов накапливались заветный миланов, когда на завод пришло письмо ЦК ВЛКСМ, Совета Министров СССР, ВЦПС и ЦК ВКСМ о необходимости экономии и бережливости на производстве. Обсуждение этого письма дало новый толчок инициативе рабочих. Придирчиво проанализировали работу цехов. Где еще резервы — скрытые и явные?

Причины простоев всегда одни: нет работы, нет тары для готовых изделий, частые «перекуры». На обрании детально разобран «проблему тары» и постановили в крайчайший срок ввести порядок, а также обеспечить бесперебойную работу внутривозского транспорта. Кто-то из выстулавших заметил, что больших денег стоит замена такой мелочь, как грязные полы в цехах, убирающие не успевают поддерживать чистоту. После обсуждения в протокол собрания записали требование механизировать уборку полов.

Много еще серьезных, обдуманных предложений записано в том протоколе. Молодому инженеру Сергею Чучуеву, например, поручено завершить работу по максимальной механизации сварочных работ. Нашлись даже всем членам совета молодых специалистов, который возглавляет Вячеслав Желанин.

Собрание это было последним рынком на двухлетней дистанции. 22 апреля на насосном подвели итоги. Обещанный Ленинку миланов уже возвращен стране. Даже с излишком в несколько десятков тысяч рублей!

Они не подсчитывают, сколько каждый из них вложил в этот миланов, хотя можно, наверное, узнать, какая доля в нем принадлежит Сергею Губернатору, Виктору Полушкину, Борису Ленскому или молодому артому «милановцу».

Они не считали; ведь гораздо важнее, что миланов дал им самим. Он складывался медленно, но неуклонно: есть в нем рубль трудной, за которым стоит не только напряжение, до юта работа, но и великие думы, споры с самим собой, самоограничение, экономия.

...Примерно в середине этих двух лет Борис Ленский получил известие о том, что он назначен в аспирантуру института имени Губкина.

ОТ СЪЕЗДА К СЪЕЗДУ

КОМСОМОЛ: 1966 1970

Страницы летописи

Комсомол-70. В его рядах насчитывается более 25 миллионов юношей и девушек, представляющей 16 национальностей страны. Каждый второй комсомолец имеет высшее, незаконченное высшее или среднее образование. В Союзе молодежи 1 миллион 800 тысяч инженеров, техников, учителей, ученых, работников культуры, здравоохранения. За четыре года, прошедших от XV до XVI съезда ВЛКСМ, в комсомол вступило свыше 15 миллионов человек.

Всего вклад комсомола в сооружение энергетического гиганта — Красноярской ГЭС.

В промышленности, строительстве, на транспорте, в сфере обслуживания трудится более 24 миллионов молодых рабочих, специалистов и служащих — свыше 40 процентов всех трудящихся страны.

В 1966—1970 годах Всесоюзными ударными комсомольскими стройками были объявлены 160 наиболее важных объектов народного хозяйства, 270 тысяч юношей и девушек выехали по комсомольским путевкам на стройки пятилетия. При самом активном участии молодежи на новостройках введено 18 домовных и мареновских печей, 10 болгарских конвертеров, 10 прокатных станов, 75 энергоагрегатов, продолжено около 10 тысяч километров железных дорог, нефтяных и газовых магистралей. На карте России появились новые города и поселки: Лучевск, Нижне-Вартовск, Нефтегаганск, Стрелевой, Узень, Лисаковск, Усть-Илим и другие.

За самоотверженный труд на строительстве важнейших народнохозяйственных объектов партия и правительство наградили 24 городских и одну первичную комсомольскую организации высокими правительственными наградами.

В трех Всесоюзных смотрах технического творчества молодежи «Пятилетие — мастерство и поиск молодости» приняла участие более 15 миллионов юношей и девушек. Ими выполнены сотни тысяч проектов, изобретений, рационализаторских предложений.

ВЛКСМ, Комитет молодежных организаций СССР постоянно поддерживают связи с 47 международными и региональными объединениями, занимающимися проблемами молодежи, с 449 национальными и студенческими организациями на 129 стран мира.

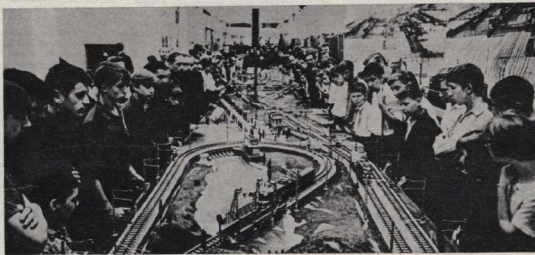
Выросли и укрепились дружба и сотрудничество ВЛКСМ с братскими союзами молодежи социалистических стран. В период 1966—1969 годов было проведено 22 дружественных лагеря и фестивалей, направлено и прибыло 98 поездов дружбы.

В 1968 году советская молодежь провела массовый воскресник в фонд помощи Вьетнаму. Советские пионеры направили своим сверстникам два парохода со школьными принадлежностями.

В международных встречах «Октябрь и молодежь», на семинаре «В. И. Ленин и современный мир», на III и IV международных студенческих курсах, в лагерях дружбы принимали участие десятки тысяч юношей и девушек.

Всю международную молодежную турфирму «Спутник» активно сотрудничает с 300 организациями 60 стран мира. За четыре года «Спутник» принял около 350 тысяч юношей и девушек зарубежных стран; более 200 тысяч советских туристов побывали в 47 странах мира.

Всесоюзный смотр технического творчества молодежи.

Более 62 миллионов юношей и девушек участвуют в общеобразовательных, высших и средних специальных учебных заведениях.

Во Всесоюзных физико-математической и химической олимпиадах школьников, слогарх сочинений на темы «Моя Советская Родина» и «Мой современник» приняли участие миллионы учащихся.

Осуществлены планы двухлетки («Комсомол — сельской школе», построено 138 и отремонтировано 50 тысяч школ, направлено 52 388 выпускников педагогических училищ и вузов в сельские школы).

Проведено три Всесоюзных конкурса студенческих научных работ по проблемам общественных наук, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения.

В четырех трудовых семестрах приняли участие 698 тысяч студентов. Студенческие строительные отряды выполнили производственную программу на сумму свыше миллиарда рублей.

В настоящее время из всей молодежи, которая проходит профессиональную подготовку, почти половина осваивает профессии и специальности рабочего в учебных заведениях трудовых резервов. Трудовые резервы готовят квалифицированных рабочих по 1 100 профессиям и специальностям.

Трудовой семестр.

За лучшие произведения литературы, искусства и архитектуры 1967 и 1968 годов ЦК ВЛКСМ присудил 23 премии Ленинского комсомола.

На V Всесоюзном совещании молодых писателей приняли участие 350 молодых прозаиков, поэтов, драматургов, критиков из всех союзных республик. Многие из них вступили в члены Союза писателей, опубликовали свои первые книги.

Во Всесоюзном театральном фестивале, посвященном 50-летию ВЛКСМ, приняли участие 500 драматических и музыкальных театров, которые подготовили 600 спектаклей.

На 100 художественных выставках было показано более 20 тысяч произведений живописцев, скульпторов, графиков, мастеров монументального и декоративно-прикладного искусства.

Во Всесоюзном смотре творчества молодых композиторов участвовало более 200 человек.

Успешно прошел Всесоюзный фестиваль самодельного искусства. Миллионы юношей и девушек продемонстрировали высокое художественное мастерство.

Нефтепорт — одна из Всесоюзных ударных комсомольских строек.

Четыре года назад в системе комсомольского политпросвещения занималось около трех миллионов юношей и девушек, в нынешнем 1969/70 учебном году в кружках комсомольского политпросвещения, политических клубов и семинарах участвует более 7 миллионов, около 2 миллионов юношей и девушек занимаются в системе партийного политпросвещения.

Каждый второй слушатель изучает историю КПСС, биографию В. И. Ленина, актуальные проблемы ленинизма.

За отчетный период ЦК ВЛКСМ провел более 40 Всесоюзных зональных семинаров пропагандистов.

Организовано 80 тысяч ленинских чтений, на которых прочтено более 700 тысяч лекций.

В период подготовки к ленинскому юбилею половина молодых воинов стали отличниками боевой и политической подготовки.

Расширяется и укрепляется шефство над ВМФ, ВВС, пограничными войсками. Комсомольцев флота тесно связывает дружба с 600 городами страны. Около 30 лучших кораблей носят названия шефствующих комсомольских организаций республик, областей, краев. Работает 130 клубов «Молодой моряк». В 19 800 кружках по авиамодельству занимаются более 200 тысяч ребят. 70 тысяч школьников состоят в отрядах юных друзей пограничников. Только за 1969 год 150 молодых патриотов награждены медалью «За отличие в охране государственных границ СССР».

В два раза увеличилось число военно-спортивных лагерей допризывников.

В четыре похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа приняли участие миллионы юношей и девушек. Комсомольцами сооружено 40 тысяч памятников, обелисков, мемориальных знаков, создано более 60 тысяч общественных музеев народной славы.

Ежегодно в военно-спортивной игре пионеров и школьников «Зарница» принимают участие более 10 миллионов ребят.

В походе по местам боевой славы отряд

В период между съездами число молодых депутатов в местных Советах увеличилось на 150 тысяч и достигло почти полумиллиона. В два с половиной раза выросло число комсомольцев-депутатов.

В Верховном Совете СССР 182 депутата в возрасте до 29 лет.

В коллегиях высших министерств и ведомств, чья деятельность непосредственно связана с воспитанием подрастающего поколения, есть представители комсомола.

Ульяновск. Строители Ленинского мемориала — члены интернационального отряда

те дошли годы

Александр БЕК

1

Руся Цома — обозначим тут же ее полное грузинское имя: Русудан — вступила в партию в конце 1918 года, будучи еще ученицей последнего класса бакинских гимназий. И порвала с семьей: Муха Цома, Русин отец, некогда рожденный крепостным и, что называется, выбившийся в люди, скопавший деньги, владел собственной лавкой.

Маленькая, неприметная девушка-грузинка, казавшаяся еще моложе своих шестнадцати лет, исполняя скромную, но и опасную партийную работу — стала одной из связных Бакинского комитета большевиков. Нежно обкрутил наиболее лицо, нежность жесть, да и слова вряд ли могли навести кого-либо на мысль, что эта малышка принадлежит партии.

Покинув отцовский кров, Руся поселилась у подруги по гимназии, дочери электромонтера, здоровачки Ани Кошелевой, тоже приобщенной к подполью. В какое-то утро Аня заметила из она подозрительную фигуру на тротуаре. Да, за домом, где обитали подруги, была установлена слежка. Видно, по паттам маленькой связной шла контрразведка. Все же удалось спрятаться, выскользнуть из-под наблюдения. В тот же день обе подпольщицы получили инструкции: исчезнуть из Баку, уехать в Темир-Хан-Шуру. Была ания и явка.

Прошло несколько месяцев. И вот апрель 1920 года. Темир-Хан-Шура, центр Дагестана, встречает далеко растянувшиеся, то конные, то пешие, колонны Красной Армии, которая движется на юг. Улицей, пролегающей среди бесконечных садов, загроужена жителями, они одиравают бойцов. Двухэтажное здание, где два года пребывала денгинская комендатура, уже увачано злыми полотнощами, теперь это дом ревкома. Охрану несут вооруженные дружинники; среди них и наши две девушки-бакинки. Обе просят направить их добровольцами в Красную Армию, мечтают войти в Баку в ряды бойцов. Просьба, однако, не уважена: они нужны здесь, помогать организовывать Советскую власть в Дагестане.

Вскоре телеграф приносит весть: бакинские рабочие вышли из улицы, контрреволюционному правительству предъявлен ультиматум. И одновременно советские войска вступают в город.

Снова две девушки, скромно зовущиеся культработницами, одна шумная, толкостая, другая тихая, рауется из Темир-Хан-Шуры в родную Баку. И снова им отказывают: поработайте на месте, неслезное партийное слово в уулы, укрепляйте Совети, тем более что в горах скрываются банды, еще надеющиеся посчитаться с коммунистами.

2

Однажды, среди лета, уже под вечер, Руся и Аня снова пошли к секретарю Дагестанского обкома отправляться в Баку. Неаждый зной южного июля в этот час уже спадал, служебный день закончился, но в обком можно было надеваться и еще позме: там не знали урочного времени, почти все работники обкома проживали здесь же, в комнатах второго этажа или во флигеле.

Девушек, однако, уже в первую минуту постигло разочарование. Секретарь, как им сообщили, уехал в Ростов на совещание. Его в эти дни замещал Нефедов, редактор областной газеты. Но сейчас секретарский

кабинет был пуст. Нефедова в обком не оказалось. Девушки уже намеревались уходить, но кто-то надумил заглянуть во флигель, — возможно, Нефедов ушел поработать к себе в комнату.

— Вперед! — крикнула Руся.

И первая вошла в раскрытые ставни. Но здесь застеснялся, запнулся. В дверь Нефедова храбро постучала Аня. Сверсть флигелю донеслось нечто немелнораздельное. Аня толкнула дверь. Подруги вошли разом. Вошли и тут же в замешательстве остановились.

Сидя на кошке, прикрыв одеялом ноги, заместитель секретаря обкома, он же редактор областной газеты, чинил бромки, видимо, единственные. И был углублен в это занятие. Вместо итлы (иголки) в ту пору в ходу были редкостно) ему служил остро зачищенный карандаш. Проялов дырочку в потерятой тонкой ткани, он продел тут да суровую некрашеному нитку, положил стежок.

Сквоззачок — и окно и дверь сейчас были распахнуты — пошевеливал его замесные наезд, очные светлые, словно выгоревшие добела, тонкие волосы. На макушке выднелась маленькая розоватая лысинка. Ветер строил со стола несколько бумаг, перевернул листки раскрытой книги. — Ничего... Ничего страшного, — сказал Нефедов. И поднял глаза, голубые, ясные и, судя по тому, как он сощурился, несколько близорукие. Скопфузвшись, он покраснел, пробормотал:

— Какая штука...

Аня воскликнула:

— Товарищ Нефедов, в сабато, присеку иглолку.

— Спасибо. У меня нитка волшебная, в иглолке не нуждается. Шью по-сапожному, шетинной.

Он вновь стал класть стежки. Опять зарозовела его лысинка. Аня решительно прикрыва дверь, села на стул. На другом пристроилась Руся.

— Ну-с, культура... С чем пришли!

«Культурно!» Нефедос окрестил девичью стайку — культотдел ревкома. А «культура» заглоздало звала его Платоничем, укоротил имя-отчество Иван Платонович. Он проводил теоретические семинары по программе партии, был неутраченным леватором, а также почти несменяемым и, можно сказать, любимым докладчиком о текущем моменте на всех крупных собраниях в Темир-Хан-Шуре. Еще молодой, тридцатилетний, он уже принадлежал к необыкновенно уважаемому поколению старых большевиков, был членом партии с 1907-го.

Стараясь не глядеть на его шитые и кончки белой, совсем без загара, ног, Руся рассматривала стол. Много-много книг. Некоторые переплетены. Кое-где на корешках вытиснены надписи по-немецки, по-французски. Можно разобрать фамилии авторов: Маркс и Энгельс, Ленин, Роза Люксембург, Каутский, Лавров, снова Маркс. Желтеет табак в почтой ладке. Рядом на газете — обломанный кусок черного хлеба.

Вскнув голову, Нефедов поймал ее взгляд.

— Да, книга и хлеб — проносите они! — Книга и хлеб на столе у каждого — вот, если хотите, формула пролетарской революции.

— А табак! — задорно спросила Руся.

Сквозняк उसे оставила ее. Последовал немедленный ответ:

— Табак — это феодальный пережиток.

И ее трое рассмеялись. На щеках Нефедова обозначились маленькие ямочки, вызванные смехом. Потом его карандаш опять принялся исполнять роль шильца.

— Итак, культура, с чем пришли!

Девушки подготовили убедительную речь. Говорить начала Аня.

Отрывок из нового романа «Двадцатые годы».

— Все понял! — прервал ее Нефедов. — Доводов не требуется. И меня, товарищи, манит Баку. А еще сильнее Питер. Однако же, как видите... Ну-ка отвернитесь.

Минуту спустя, уже одевшись, он аккуратно заправил одеяло, оглядел себя, иронично выходящего, военного образца, гимнастера, заключил: — Сойдет с горничной.

Нефедов свернул цыгарку, задымил. Он знал, что уже некоторое время в негостеприимном шкафу обкома лежит телеграмма Центрального Комитета партии, предлагающая откомандировать, направлять в Баку товарища именно так: «штатной партийной работы». Конечно, к этой категории следовало причислить и самого Нефедова, но секретарь обкома натерся отказался его отпустить: «К тебе эта телеграмма не относится. Если придержишься моего мнения, обращай в Центральный Комитет».

Он же сказал что-то двум девчонкам. Опыт партийной работы. Какой там у них опыт? Пожалуй, сейчас подходящая минута, чтобы объяснить молодым коммунистам один диалектический закон: революционные центры, города-магниты, кроме силы притяжения, наделены и противоположным свойством — распространяют революционную энергию во все стороны, создавая попутную, наивыгоднейшую, неконтролируемую послеплод. Он вновь посмотрел на девчонку, встретил смиренный, доверчивый взгляд Руси. Еще не расставшись с гимназической косой, она сидела в сшитой из мешковины, мальчишеском покрое курточке — совсем-совсем подросток. Неожиданно Нефедов улыбнулся. Теоретические соображения он оставил для другого случая. И кратко произнес:

— Что же, поезжайте.

Аня воскликнула:

— Когда же! Сегодня! — Услышав это, — усомнилась Русь.

Нефедов взглянул в окно. В замкнутом окошке резко чернела выцветшая линия гор.

— Так, может, не сегодня! — сказал он.

Девчонки молчали. Но и молчание нередко обладает красноречием. Поезда в Баку отправлялись именно сегодня в ночь. А следующий пойдет через три суток.

— Покинуть-то уложите! Не опоздаете!

Русь мгновенно ответила:

— А чего укладывать? У большинства багажа нет.

Нефедов еще раз взглянул на маленькую круглолицую грузинку. Похожая на пая-девочку, но шизь какая искра из нее стрелювала...

— А у меня вот, — он показал на книги, — багаж есть... Каким штука... Еще с эмиграции с собой таскаю. Ей-ей, сам не понимаю, как все это удалось.

Русь пошутила:

— Ну, на такой багаж запрета нет.

— Сегодня же едывает. А я позвоню в Баку. Там пойдете в райком к Саше Овсянникову. Может быть, случаем, его знаете!

— Знаю, — отвечала Русь.

В свое время она, подполучившая-связная, два или три раза приходила в контору акционерного общества «Каспий-Волга» к младшему бухгалтеру Саше Овсянникову. Как воспитанный молодой человек, он вставал при ее появлении в коридор, выходящий ей в залу, открывая красивые белые зубы. Прямая полоска пробора выдвигалась в его крепко пригладженных каштановых волосах. Пиджак в полосу, брюки со складочкой, белеший подражательный воротничок, скромный серый галстук — все было одно к одному: не давало ни взыть, обзаводной конторщик, да и только. Но Русь-то ведала о нем много. Передала ему то привет и письмо от несуществующей тети из Дербента, то книгу с издацией бумажной закладкой.

А теперь лишь коротко проговорила:

— Знаю.

Нефедов заключил:

— Берите курс прямо к нему. Сейчас позвоню и на станцию, чтобы вас посадили... Да, города-магниты...

3 Приехал в Баку, девчонки растаяли на время. Аня сказала неумеренно задушевно, конкой поехала домой, Русь решила идти сразу в райком.

На трех этажах углового здания в центре города поместились три партийных учреждения: наверху — Центральный Комитет Коммунистической партии Азербайджана, понизе — Бакнинский комитет, а на первом этаже — райком.

Узбежав по ступенькам крыльца, она вошла в райком. Несколько человек разговаривали в обширном коридоре. Русь приостановилась, пробежала глазами по лицам. Нет, никого тут она, кажется, не знала. Спросила шедшую с парой, глядящей причесанную женщину, как пройти в кабинет секретаря.

— Ты к кому проходишь Саше?

— Да.

— Иди вон в крайнюю комнату. Он там.

— А он не занят? Может быть, надо подождать?

— Ничего. У него и подождешь.

Удерживая проснувшуюся на губы улыбку, Русь подошла к кабинету Овсянникова. Неожиданно распахнулись дверь, оттуда появился белобрысый, встрепающийся, носатый Валентин Мигуша. Когда-то он, старший клерк-бухгалтер, был, как и Русь, членом бакнинского общегородского ученического комитета.

— Русь! Каким сладчайшим ветром принесло тебе сюда? Ну, как ты живешь?

— А ты?

Общегородской ученический комитет, стачка учащихся Баку, тайный социалистический кружок породили их. Сейчас каждому хотелось и поспулыть и порассказать.

— Обо мне потом... — завяла Мигуша. Но тут же повелел, как судьба (он отпустил глаза на дверь, за которой находился Овсянников) закончить его, раба божья Валентина, сигнала на профсоюзную работу, а за-

тем... Спохватившись, он себя прервал: — Мы же решили: обо мне после. Ты-то, ты-то как живешь?

Русь заговорила. Мигуша откликнулся мимикой, восклицаниями, вопрошаньем. Она вскоре выложила о себе все. Вот и плоские дагестанские кришши, выходящие в садок города, прорыв радости, восторга на улицах Тамир-Хан-Шуры в день выступления Красной Армии, культотдел ревкома, поездки в аулы... — тоска по Баку.

— Теперь досказывай, Мигуша, о себе.

Валентин воздвигнулся, но едва начал зазвучать его голос, дверь кабинета распахнулась, на пороге стоял Саша Овсянников.

4 Изложил, здесь же — раз уж подошел случай — историю знакомства, сближения Мигуши и Овсянникова.

Длинный, с буйной, пшеничного отлива шевелюрой, реалист Мигуша когда-то приобрел популярность как центр наделения сильной футбольной командой рабочего поселка Сурахань, выступавший нередко и в городе. Подошло армянство — герой футбольных скватов оказался и героем революционных выступлений учащихся Баку, подполковником тогда мухаметовского антибольшевистского правительству. Исключенный из реального училища, устроившийся ради хлеба насущного рабочим-верхолазом городской телефонной станции, сдува за посылку трубку, он, наделенный ловкостью, даже почти грацией, что за ним звали и на футбольном поле, легко карабкался на телефонные столбы, быстро находил, исправлял повреждение. Легко он нашел дорогу и в подполную большевистскую ячейку, был принят в члены партии. И, не ставшая намерения продолжать образование, поступил на вечерние курсы, где готовили к экзамену на аттестат зрелости.

Опоздав на первое занятие, Мигуша из-за такой нечестности вступился за парту рядом с тем, кто расположился в одиночку. Это был Овсянников, круглолицый, аккуратно причесанный, аккуратно одетый конторщик акционерного общества «Кавал», что в расшифровке означало «Каспий-Волга».

В дальнейшем Валентин, рьяный новобранец-подполковник, не пытался завязать с этим своим одноклассом беседу о революции, о Советской власти, но правильное, крупное лицо, зеленые талые глаза сюда по падею оставались равнодушным.

Впрочем, нельзя было сказать, что Овсянников ничто чужаясь общественных обязанностей. Избранный в правление профессионального союза конторских служащих Баку, он и там являл на себя бухгалтерскую часть, принимал членские взносы, выписывал каллиграфическим почерком квитанции, содержательные в актуре финансовых дано своего союза.

Облик Овсянникова как бы завершалась еще одной характерной черточкой. Прилежный ученик вечерних курсов порой вынимал карманные часы — очень большие, с двойной крышкой, которые, как однажды мелкомно описывал в своем журнале, начинавшему служить, отчасти переплетились. Непростую работу Овсянникова раздражала Мигуша. Неужели не найдется какого-либо зацепки, чтобы политически развить, притянуть к революционной борьбе этого рыцаря своей прекрасной дамы — бухгалтерки?

И вот что узнал. Бедность преследовала семью, где вырос Овсянников.

Его отец, фабричный в акуре финансов, давно сбежавший, потерял место в типографии, обзавелся собственным переплетным станком, но заказы были редки, заработки неверны. Мать брала стирку, ходила мыть полы, лишь бы дать детям образование. Двенадцати лет Александр поступил в частную городскую школу, где обучали коммерческой арифметике, счетоводству, бухгалтерии, коммерческой корреспонденции, каллиграфии. Уже на второй год он чуть не распростился со школой, — не было денег, чтобы внести плату за обучение. Владелец школы, оценивший способности и изумительный почерк Овсянникова, согласился взамен платы использовать его как диклопроизводителя и счетовода. Все воскресенье Александр просиживал в школьной канцелярии. Окончив школу в 1916 году, он был принят на службу в «Кавал». В 1918 году он был уже возведен в ранг младшего бухгалтера.

Мигуша подолжился у знакомых:

— А революционные события хоть как-нибудь его затронули?

5 Тем временем ячейка телефонной станции, насчитывавшая двенадцать коммунистов, изредка собиравшаяся где-нибудь на пустах или в укромном углу склада, избрала Мигушу секретарем.

Негележная большевистская организация Баку раздвинулась на районы. Став секретарем, Мигуша получал информационные и директивные письма Завказального райкома — листки папирозной бумаги, тесно заполненные строчками машинистки. Как позволяли условия эти документы, нередко — Валентину райком действовал с удальей индивидуальности — сообщени о событиях, партийные решения доставлялись без опоздания, каждое письмо помещалось порядковым номером и датой. Под текстом была неизменно выстука подпись «Саша».

Письма нередко капризничали, что сыскала сеть не дремлет. Нужна величайшая осторожность. Легкомысленное отношение к правлению негележной работы есть преступление перед партией. Смотрите в оба. Не ротовайничайте. Никогда не бойтесь лишего.

Наку с эти директивы требовали не замыкаться лишь в партийной скрупуле. Крайне тайно, партии, но и к массам, общаясь, ведя индивидуальную агитацию и пропаганду.

Мигуша решил выкроить часок в воскресенье и под каким-нибудь предлогом заглянуть домой к невозмутимому юноше-бухгалтеру. З, ведь его отцу бездельно, избрала Мигушу секретарем. Овсянников в долгие дни — не в характере Мигуши, И вот воскресный день. Крупными хлопьями падает мокрый снег, тотчас в лужах тающий. Узкие, плохо замощенные улочки. Тесный дворик с выложенной битым кирпичом дорожкой. В первом этаже, почти полуоткрытая, обитала семья переплетчика.

Сюда с тяжеловесным топком вторгся Валентин. В низкой, мрачной

комнате сидел за учебниками Александр. Приход Миглуша, казалось бы, совсем его не удивил.

— А, забрел-таки...

— Ты разве меня ждал!

— Еще бы... Тебе, наверное, понадобилось перелистать книги!

Склонив массивную, приспорошенную на пробор голову набок, Онисимов с откровенной улыбкой разглядывал незваного пришельца. Улыбка чуть приподняла коротковатую вернюю губу, оттененную пушком.

— Не книг... — начал Миглуша. — Муридза. Да, воспользуйся «Ильям».

— Ильям, образ... по-прежнему еще продолжал Александр. — А потом надо же преподать мне политграмоту. Ну, не теряйся. Прислулай. Пять минут тебе достаточно!

Миглуша сел. Черт возьми, чем же пронять образцового конторщика! Поле нескольких незначачив фраз Миглуша, забия пятерый волосы, собачье:

— На днях мне случайно попалась замечательная вещь... — Он понижает голос. — Стихи Дедушки Бедного. Могу прочесть.

— Брось... — коротко отвечает Онисимов. И спокойно добавляет: — В шахматы играешь?

— Да.

— Так давай сыграем. Подожди. Попрошу у соседней шахматной.

...Известно, что в игре — шахматы тут не составляет исключения — проявляются характер. Среди своих приятелей Миглуша считался способным шахматистом, немного занимался теорией, разбирая, случалось, партии, получившие приз за красоту, любил эффектно разгромить противника. Уже по первому десятку ходов он определял, кто Онисимов играет осторожно, кто ловко, выжидая, кто и в шахматах мелок. Риска, темперамента, огня от него ждать не приходило. Ничего, скоро заддадим ему жару, он и за полпацелте. Но что это? Как он сумел провать?! Откуда у него эта стремительность? Остро атакует! Ничего, ничего, защита еще есть. Но... Вот так история! Неужели мат следующим ходом! Да, Миглуша терпит поражение.

6

По-прежнему Миглуша регулярно получал через связанного отпечатанье на пишмисной бумаге письма райкома. В те дни в условиях подполья подготовка объединение сплоченной сильной организации Российской Коммунистической партии и национальных азербайджанских коммунистических групп. Очередное письмо извещало о том, что назначена городская партийная конференция. Умелым предлагалось послать делегатов на конференцию. Под текстом стояла привычная подпись «Саша».

Однажды на курсах в час последнего урока — это была, как запомнилось Миглуше, писанина о тригонометрии — крупноголовый сосед по парте проявил под аккуртно испещренным уведомлением истом каллиграфическую завитуху, знак оконченной работы, и преспокойно сказал:

— Валентин, приходи завтра в пять часов в «Парлает».

Миглуша недоумоно на него воззрился:

— Зачем!

— К тебе подойдет человек, который тебя звант. И ты его знаешь. Понял А теперь...

— Что? Чтот?

— Теперь решай свою задачку. Переключи активность на тригонометрию.

Назавтра в назначенный час Миглуша прожиявался по расположенному в центре Баку людному садуку, именуемому «Парлает». Неожиданно он захватил Онисимовна. Темный костюм, как всегда, свежо отлажен. Ботинки безукоризненно блестящие. Облик младшего бухгалтеря завершался еще одним штрихом: аккуртно завязанной папкой, которую тут держал под мышкой. Странно, какие дела занесли его в этот шумный сверток! К тому же он направляется, кажется, прямо к Миглуше. Да, подошел. Без дальних слов сказал:

— Пойдем.

— Так что ты? Ты — человек, которого я знаю!

Во взгляде Онисимовна он — в который уже раз! — прочел насмешку. Впрочем, сейчас это выражение скрывалось за черным галстуком. Мелкоязычие профессионального союза «Игла». Онисимов привел Валентина к помещению профессионального союза «Игла». Следом за своим проводником Миглуша поднялся на второй этаж, вошел в небольшой зал, где уже собралась небольшая десятков человек. Впервые оказавшись на партийной конференции своего района, Миглуша почувствовал себя уютно. Мелкоязычие омортелось. Изрядную часть конференции составляла молодежь, немало было и людей под тридцать и за тридцать, лишь некоторые принадлежали к возрасту постарше.

Конференцию открыл пожилой сероглазый крепель. Его профессию — принадлежность к морю, к матросскому сословию — выдавала не искорененный ничем, давняя татуировка (жаркий, обгоревый канатом) на тыльной стороне широющей ладони.

— Кто, товарищи, изберем председателем?

Единодушно, без голосованья — брады были аверены ему же.

— Секретарем... продолжал он — думаю, пусть поработает товарищ Саша.

Моряк-председатель не добавил никакой рекомендации. Несомненно, здесь отлично знали это имя, какому постоянно скреплялись все письма райкома. Кандидатуру, не обсуждая, утвердили.

Там временем от глубины зала к столику президиума быстрой походкой шел только что избранный секретарь конференции — принасланный на пробор зеленговзлый юноша в темном в полоску пижаке, в белой рубашке с подкрамленными воротничками, неброским галстуком. Мелкоязычие, извядшим, почти женским ружаком он на ходу развязывал папку.

— Сперва, товарищи, — произнес председатель, — на всякий пожарный случай кое-что предусмотреть. Товарищ Саша, твое слово.

Положив папку, товарищ Саша — тот, кто давая Миглуше еще вчера был лишь вытуженным младшим бухгалтером, — объяснил, как и куда уходить,

если явится полиция. Он показал окно, выходящее на крышу сарая, и запнусую дверь, ведущую во двор, — там через невысокий забор можно выбраться на соседние участки и на улицу. Саша говорил ровным тоном, не жестикулируя, не употребляя лишние вводные слов, вроде «так сказать» или «понимаете». Голая точность, пунктуальность — такое был его способ выражения. Это придавало краткой речи остроту, иделовую остроту, позволяли себе такое определение.

Лишь в заключение он пошутил:

— Надеюсь, никто не будет, если эти сведения не пригодятся. Потерянное время отнесем к стравным издержкам.

И улыбнулся. Улыбка была открытой, приалякательной — Миглуша, пожелай, еще не видывал такую у Онисимовна.

— И вот он, раскрыл дверь, стоит сейчас на пороге своей секретарской комнаты.

— Русь смотри на него. Куда делась складочка на его бровках, белей вороний. Галстук — классический вид юного конторщика! Надевая на вытукс легкая светлая косоворотка стянута армянским ремнем. Густые, желудевого оттенка волосы, некогда приалякательные на пробор, получили волю.

Слово не замечая Русь, он обратился к Валентину:

— Ты, кажется, куда-то торопишься! Если не ошибаюсь, в массны!

— Да, я только...

— Ну, ну, спешил, как поспешай! — И обернулся к Русь — Здравствуй, товарищ Цомая. Ви ко мне!

— Надеюсь, ты так странно не встретишь! — Товарищ Цомая. «Ви», Чувствуя, как от обиды вдруг всплунули слезы, она выпримахалась:

— К вам.

— Идете.

— Садитесь! — проговорил Саша. — Можешь не повторять svoje историю. — Столеда слышь?

— Слава Богу, перешел на «ты». Не зетани обиды, Русь спросила:

— Саша, почему ты так странно меня встретишь?

— Что же, выясним этот вопрос. Да начала дай свои партийные документы.

Русь раскрыла портфель. Выложила на стол отпечатанные на пишущей машинке удостоверение о принадлежности к партии, выданное Дагестанским обкомом. Такие удостоверения в те месяцы являлись и в Дагестане и в Баку своего рода партийными, — на обороте отгемалась уплата членских взносов.

— А удостоверение, Саша, не оформлено. Мы с зтми не успели. Товарищ Нефедов сказал, что от тебе позвонит.

Онисимов не притронувся к Русьной бумагке.

— Следовательно, нет и направления в Баку? И записи о снятии с учета?

— Я же тебе обьяснляла.

— А известно ли тебе, что в ту ночь, когда вы вдвоем уехали, в Темир-Хан-Шуре был бой, воровался банды?

— Банды! Мы ее отбили!

— Мы! — Русь хлестнула Сашина ирония. — Отбили каким-то образом без вас.

Русь вновь поборола обиду.

— Жаль, не пришлось участвовать в таком горячем деле! Искренность этого возгласа не смиячила Сашу.

— Другие участвовали, а вы удалы.

— Ты не имешь права!

— Как же иначе я могу это расценить? Уехали без документов, не снялись с учета... В военной обстановке это можно назвать лишь дезертирством.

Нетерпеливые речи делала особенно тяжкими обвинения Онисимовна, он их не выпалавал сгорча.

— Но Нефедов знает...

— Ты полагаешь, что Нефедов будет о вас помнить? Ему больше думать в бою не о чем! А если он погиб? Что с вами еще делать, как не отады под суд за дезертирство!

Снова прозвучало это безжалостное, клеймещее слово. Нарастало напряжение, когда Онисимовна была неопровержимая.

— Не помню, как ты и Аня Кошелева, дочь рабочего, человек из пролетарской среды, могли пойти на такой поступок.

Русь вскопнля.

— Я к ней сейчас поеду. И имя... Мы первым же поездом вернемся в Темир-Хан-Шуру.

Он всетим делал ее до слез. Они закрепили на гимназическом платке. Неожиданно Саша улыбнулся.

— Больше Русь, так не делай. Нефедов мне позвонил. Я, конечно, ему высказал, что устный порядок он не вправе нарушать. Перестань же, не ревни.

Сновок плену слез она различила его приалякательную, открытую улыбку. Едва поверилась: неужели это он, только что подвергший ее суровому испытанию, теперь с несомненной приязнью улыбается?

— Но как же ты мог так меня мучить!

— Подделыв! Излещешься от легкомыслия. Это, кстати, особенно необходимо на работе, которую я хочу предложить тебе.

Она вытерла слезы.

— Ой, Саша... Какую же работу?

— Не спеша он взял удостоверение, которое Русь в начале разговора положила перед ним, всмотрелся, повернул оборотной стороной, проверил, упавшим ли членские взносы, видимо, удовлетворившись, вернул бумагу Русь.

— Вот что... В райкоме нужен заведующий информационно-учетным отделом. Пойдем!

— Ой, Саша... — повторила она. — Ты был прав, но...

Он опять смотриел на нее с обморуживающей улыбкой. Она почувствовала, что простила его. Тоже улыбающуюся.

Пойду.

В первом цехе «Электросилы» станочники Петровы известны как активные общественники: отец — профсоюзный — член комсомольского бюро цеха.

ОТЕЦ И СЫН

Валентина БИАНКИ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Каждое утро в потоке людей, движущихся сквозь проходную «Электросилы», вы сможете бы увидеть двух рабочих, идущих рядом, плечом к плечу. Владимир Ильич Петров и Виктор Владимирович Петров перешагивают порог цеха. Останавливаются у огромного карусельного станка. Это их рабочее место. Старший делает подручному знак — «Готово!». И начинается трудовой день.

Мальчишка, которого назвали Владимиром, родился в маленькой деревне Войтолово под Мгой, недалеко от Ленинграда. Семья его была исконно крестьянская. Раньше их звали Рандины, потом Бутины. Дед Володькин уже был Петров. Лесные, холмистые места вокруг деревушки Володе известны со сверхчеловечески юным и поперек Беззаботным было детство, и он не знал, что вскоре круто переломится его жизнь.

Мальчик не знал также и о том еще, что в городе на Неве, за Московской заставой, дымит трубами огромный завод. Завод, который построил уже могучие электрические машины для Волховской ГЭС и играл гидромуфса роль в реализации ленинского плана ГОЭЛРО.

Пройдут годы, и Володя Петров станет учеником электросилового ФЗО. Но перед этим еще будет война, и тринадцатилетний Петров попадет в кондитер и любителю пива.

— Фашисты заставляли пленных работать. Несколько месяцев малец наскел трезгранные напильники. Парень понимал, что не должен работать на врага. И ему удалось бежать с завода... А «Электросила» боролась в осажденном Ленинграде. Во время первого же налета фашисты сбросили на ее территорию 283 зажигательных бомбы. Трамвай — этот факт помнит и сейчас каждый коренной ленинградец — останавливался в двухстах метрах от завода. Кондуктора объявляла: «Вагон дальше не идет. Дальше — фронт».

— Гибли люди, и гибли станки. Но завод жил. Я забегу немного вперед: на той самой «карусели», где работают сегодня Петровы, можно увидеть дыру от снарядного осколка — след блокады. Сколько их было, таких следов...

И все же завод работал! На его продукции ставился штамп: «СДЕЛАНО В ЛЕНИНГРАДЕ В ПЕРИОД БЛОКАДЫ», и Большая земля принимала самолеты с электросиловыми изделиями и знала: Ленинград жовет. «Электросила» сражается и трудится!

В год Победы Владимир Петров приехал в Ленинград и поступил в ФЗО «Электросилы». Выбрал токарную специальность, и девять месяцев опытные мастера учили его секретам мастерства. Потом он сдал хорошую пробу, выдержал экзамен на пятый разряд, был направлен в цех.

Как именно люди, начиная сознательную жизнь, определяют среди сотен возможных путей свою главную тропу? Вот рабочий. Что токарик, что слесарь, что в сварщик пойти — не все ли, кажется, равно? Вроде бы и заработок равен и престиж профессии одинаковый. Но нет, выходит, не одинаковый. Владимира Петрова, новичка, ставили поначалу и на фрезу и на строгальный станок: рабочим не хватало. Он сам рассказывает об этом времени так:

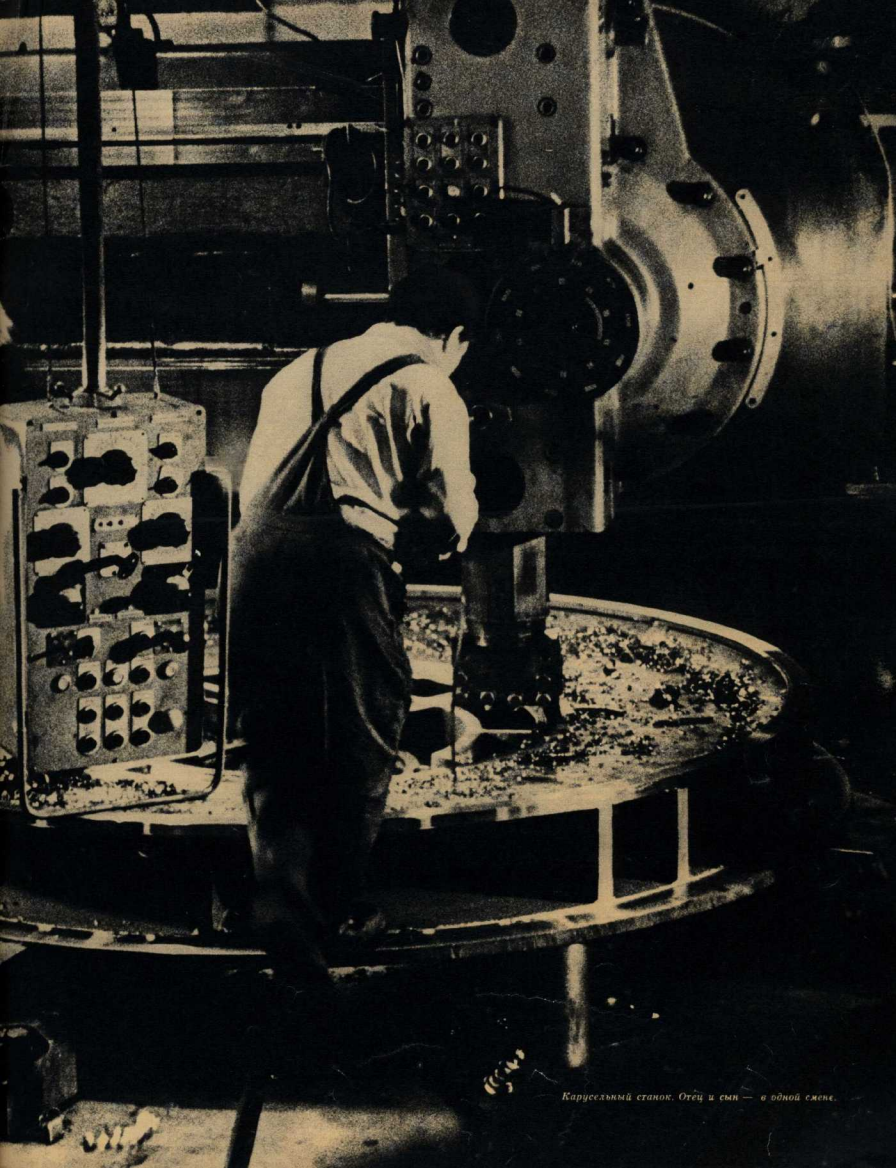
— Будто бы во всему приладишься — ан нет, тинет на «карусель». Был в цеху мне однофамилец, тонке Петров. Раз ушел он на обед, и я решил: дай, думаю, доделаю его работу! И «доделал» — запорол деталь. Ну, в конце концов добился все ж своего. Стал карусельщиком.

И с тех пор с перерывом на службу в армию так и стоит за огромным карусельным станком коренастый приветливый человек в комбинезоне. Что с того, что перед карусельщиком всякий раз возникает хитроумная задача, как установить огромную деталь, как добиться микронной точности обработки! Что с того, что не каждый может справиться с этим станком! Голова кружится, когда перед тобой непрерывно вращается машина — кольцо, например, для концевой части 300-тысячного турбогенератора. С полчасика мне пришлось наблюдать за работой Владимира Ильича, и правота его слов вполне подтвердилась: вестибулярный аппарат карусельщика должен быть, видимо, не хуже, чем у моряка: меня качнуло, как на палубе во время шторма. Пришлось отойти.

А Петров-старший стоял у пульта (станок-ветеран оснащен теперь современным пультом управления) подтанутый, бодрый, еще совсем молодой, стоял, полный сил, как и двадцать с лишком лет назад.

Н а фотографии вы видите обыкновенного парнишку, несколько даже «моложавого» для своих 19 лет (19 ему исполнилось только что, 30 апреля). Если снять Виктора Петрова отдельно от заводского фона, вряд ли скажешь, что это рабочий парень. Школьник десятого класса, первокурсник университета, токарь или шofer не помечены у нас сегодня никакой, так сказать, социальной метой. Вряд ли мы отдадим профессиональному юноши, встретив его в парке, троллейбусе или в кино. Мы привыкли и этому, но если бы кто-нибудь возботился о том, чтобы оставить нам фотографии мальчишек, трудившихся на благо фирмы «Сименс и Гальске» — отсюда, из мастерских немецких коммерсантов, берет свое начало история «Электросилы», — мы поня-

Карусельный станок. Отец и сын — в одной смене.

Работа ладилась, норма перевыполнена.

В Доме техники открылась выставка.

ли бы по одним этим портретам, какой гигантский путь прошло наше общество.

Как сделал свой выбор Петров, сын Петрова, карусельщика с «Электросилы»!

— Сам пожелал, — говорит отец. — Что ж, я был рад. Какой отец не радуется, когда сын идет за ним вслед!

Мы сидели с Виктором в цеховой конторке, закончилась вторая смена. Он сказал, что у него не заладились дела в школе, и он, окончив семь классов, решил пойти работать.

Не от одного рабочего парнишки можно это услышать и сделать вывод: человек в данном случае выбирает путь наименьшего сопротивления: отключает мозги и идет работать руками. Однако жизнь отучает от споровских выводов. Все оказывается и сложней и интересней. Наш с Виктором диалог в конторке я воспроизвожу почти буквально.

Я. Скажи, Виктор, как идет твоя жизнь сейчас? Виктор. Нормально. Работаю и учусь.

Я. Учишься! Где!

Виктор. Как где! В вечерней школе. Я сразу пошел в вечернюю. За год окончил восьмой и девятый. Сейчас учусь в десятом.

Выходи, подручный карусельщика Виктор Петров сам сел за парту — причем за год освоил программы двух классов! Что же, завод учит серьезности, ответственности, целеустремленности.

В моем блонном после разговора с Петровым-младшим остался столбик цифр: график Витниного дня, распisanного по минутам.

6 ч. 00 м. — подъем [надо успеть на электричку; Петровы живут в пригороде, в Стрельне].

7 ч. 30 м. — начало работы.

16 ч. 10 м. — Окончание смены. Виктор спешит в столовую.

17 ч. 45 м.— начало занятий в вечерней школе.
Каждый учебный день — 5 уроков.

21 ч. 50 м.— окончание занятий. Блуждающая
электричка — в 22 ч. 14 м.

Второй вариант, при котором работа начинается
в 16.10, стоит подробно расписать не стоит.
И так видно: нужны самоограничение и местная
целостность, чтобы все успеть.

Так почему же Виктор добровольно отказался
от общепринятой системы старшегоклассни-
кал? Материальной нужды в семье нет: отец за-
работывает 200—300 рублей в месяц. Дома никто
не прилеживался. В школе, конечно, тоже.

— Мне нравится работать, — говорит Виктор. —
Я чувствую, что прочно стою на земле. Я уверен
в себе. Раньше, в школе, этого не было...

Виктор хочет прочно стоять на зем-
ле! И такой нравственный фактор
оказывается сильней многих желаний:
подольше поспать, почаще хо-
дить в театр, в кино, беззаботно...

...сидеть в кресле, погулять с девушкой...
«Электроскала стала магнитом, который притя-
нул к себе Виктора. Все жизни он чувствовал,
как надежна судьба его отца. Как ценят его
люди».

Владимир Ильич не просто станочник. Он кад-
ровый рабочий. Слово Петрова-старшего весело.
Какой бы вопрос цеховой жизни ни решался,
отец, член цехкома, твердо высказывает свое
мнение, и с ним, этим мнением, считаются все.
Отца звали Ильичом.

А от сына! И от сына теперь тоже. Комсомоль-
цы выбрали его членом цехового бюро ВЛКСМ.
Ильичек не мям, что у него после напряженного
рабочего дня гудят руки и ноги; старательно вы-
полнял поручения; притом все видел: отец не
делал ему скидки! Старшему война помешала
учиться, и порой, когда двое склонялись над чер-
тежом, Виктор понимал, у него, зеленого юнца,
который и в подметки не годится опытным ка-
русельщикам, все же есть преимущество — мате-
матичку-то он знает лучше!

Чувство сопричастия в общем рабочем деле — вот
то главное, что определяет жизнь Петровых, ста-
ночников с «Электросмыль». Ни Петров-старший,
ни тем более Виктор не видели, не помнят ста-
рой Московской заставы: никаких лагерей, грязных
пустырей, транспортов «Дизель» и «Разбитый
горюшек». И хорошо, что не видели, не помнят.
Они наследники другого: славных пролетарских
традиций завода, наследники Ивана Ивановича
Яновлева, участника петербургского «Союза
борьбы за освобождение рабочего класса», — того
самого товарища Яновлева, который еще осенью
и зиму 1894 года приходил в Владимиру Ильичу
Ульянову, и под его руководством изучал «Капитал»,
и рассказывал Ленину о своем заводе. Нынешние
рабочие — наследники тех, кто в войну
отстоя завод, кто строил машины, давшие толк
на Волгове и Днепре, Енисее и Ангаре, в Индии
и Египте...

Первый цех огромен. Отсюда, из первого цеха,
готовая продукция уходит в разные концы на-
шей страны, в разные страны мира. Петровы,
очень редко, ведут мене показывают гигантские
турбогенераторы: почти в каждый из них вложен
труд отца и сына.

Несколько часов в Эрмитаже.

Татьяна КУЗОВЛЕВА

России голое

Окинешь средь ночей и дней
и задушишь теплое и страстно,
России голое,
голос властный
ее лесов, ее полей.

Напомишь средь вечерних дел
и затрапещи ахслониманной,
что есть единственный удел,
нам выбирающий зарею, —

что есть творение добра
во имя истины, во имя

любви, когда ее пора
еще почти неразлучны;
во имя утренней звезды,
продолженной воображением
и отнесенной на листы
руки порывистым движением.

Линя земля мне тиха,
что горше — быть ее изгоем!
Как ошинец от греха
приди ко мне, России голое.

Коль будут горестным дим,
ты несешь отсюда страданье
и в непомерном линованье
печальным вздохом промелькни,
чтобы, забыв покой и сон,
я знала:

Был и есть, и будет
России голое. Только он
поймет,
напомят
и рассудит.

Дать творчеству, дать свете, дать
дружбе...

Доколе же искать себе покой!
А и всего-то мне немного нужно:
лишь постоять в молчанье над рекой.

Мне нужен звон далекой колокольни,
где ласточек стаянная жельма.
И вот уже ритмично и спойноной
становится дышание мое.

Закрыва глаза, стою на косточке,
стою, не помня ни добра, ни зла.
Перебивая мысли, с ветром споря,
во мне, во мне звучит колокола.

И сквозь меня тот звон проходит в
землю,
ступаям сладко ощущая гуд.
Ему деревья, вытнувшись, выменяют,
его лесные птицы стерегут.

Покой, покой, единственная вещь
в суровом веке всплыви и углов...
Я усложу, но не сломаю так
ошинувшихся во мне колоколов.

Так входят
в чужую холодную воду,
так вводят
исползу опоры под своды,
так черные корни корчуют
скавозь годы —
вздоху в переводы.

Отшине
немая хожу по безгласной
пустыне.

И нет у меня своего языка.
Я — ваше творение,
ваша ташка.

Листочек копирки,
отчаянно черной.

А проче — я эхо,
на звук отвлеченный.
Я буду смеяться.
Услышите же в своем
своем голосе, несущийся через
пomezи.

Я буду стараться:
немые вбирают все звуки.
Я вправую то,
что подожму мне губы и
руки.
Я слышу слова.
Я значения ни осажую.
Я только немая.

Я буду твердить
непреложные истины, чтобы
жить в мире
чужого восторга,
сытения, злости.

Чтоб сплоти чужие, как тайна,
как климатическая вода,
во мне преломлялись,
как блики, упавшие в воду.
Во мне — переводы.
И, знаешь,
да ваши слова,
обращенные в краткие слоги,
спасибо.

Короткий поздний свет
торопится к окошечку.
Постой еще немножко,
не уходи, мой свет.

Не уходи, мой свет,
луть завтра будет снова
и подальше, и рассвет,
и месяца подкова.

И нынче — задержись,
продли секунду нынче!
К чему тебе поспешность!

Отвечь мне: для кого
мы ровнеюшей всего
прибрегаем немности!

И можно ли унести
огонь, зажатый в пальцах,
который был и есть
пальцы и сиятельче!

Который толку нет
держит в ладонь праздной.
Не уходи напрасно,
любовь моя, мой свет.

Бумажке узавшей
пера утомленного прогиби,
спасибо.
Терпеливо — нелетному

спутнику перед полетом,
полету, творящему между
пером и бумагой
работу; — знаку, что правда
отчаянно — до ужаса рядом:
иному — руки произвольному
взмаху
нль вздоху, нль взгляду
спасибо.

Отшине и вечно
да будет правдиво обличье.
Спасибо, творение,
что ты обрело дувзаче!
Перо вытнуто из рук,
как истерявшийся трут.
Вторично рожденное,
я принимаю твой суд.

О весенние первые воды,
голубые наречье в крови!
Я вступаю под завоное своды,
под высокие своды любви.

Ты ли ждешь, затанчивая у входа,
я ли робко прощу: поэзия!
Нам в надежду, в услужу, в угоду
начинается месяц любви.

Той причуды не в силах понять я,
что в моей совершится судьба.
Я надеву веселое платье,
выбегая навстречу тебе.

И спадет оюданья камень,
и сольются, растворены,

слов твоих нестигающий пламень
и пронзительный холод весны.

Обожгут миллиметные точки
мой ответ, мой извечный удел.
Красной ягодой
с синей проточкой
упадет он, нечаян и смел.

Непредуман, стечены, немстов,
ожидаящая искры дымок,
скользянет он в падении быстро
на неверное, зыбное дно.

Но ни страха, ни слез, ни отчаяния,
ни заломленных в горечи рук.
Позови меня — да же в молчаньи
оглушителен голоса звук.

Рабочая трибуна «Смены»

Раждый знает, что рекорд — это высшее достижение. Пробегае, скажем, спринтер стометровку за одиннадцатую секунду — его даже в своей области не будут считать выдающимся спортсменом. Стоит ему сбросить с этого результата всего одну секунду — о нем заговорит вся страна: рекордсмен. И восхищение вызовет не только само достижение, а настойчивость человека, который долго шlifовал технику, тренировал тело и волю, чтоб в десять секунд выложить все, что добыто огромным трудом.

Наверное, нечто подобное характерно и для рекорда производственного. Ведь не каждый день на заводах и фабриках, в шахтах и рудниках, на железных дорогах и нефтяных промыслах устанавливаются высшие достижения. К ним идут долго, удаются они не всякому. На них равняются, но часто так и не могут приблизиться к заветному рубежу.

Тогда зачем нужен рекорд, если он удел избранных? Зачем нужен он, если даже самим рекордсменам не удается удержаться на своих позициях? Или не всегда можно объединить слабые, дающие рекорд? От чего это зависит? Каковы эти слабые?

скрытые резервы машины приходилось искать шахтерам в угольных забоях...

— Можно еще на сколько-то увеличить добычу комбайном УКР-1!

— Пожалуй, нет. Его возможности исчерпаны полностью. Да, честно говоря, дальнейшие поиски ни к чему: УКР-1 — машина вчерашнего дня. Когда-то она означала прогресс в технике, теперь его можно отпраздновать в музее. Пришло время угледобывающих комбайнов. Из 149 «тысячных» бригад страны [тех, что добывают больше тысячи тонн угля в сутки] только наша работает еще на УКР-1. Остальные перешли на комбайны...

— Но это не меняет темы разговора. Ведь и на комбайсах придется устанавливать рекорды, выжимать из них все возможное, и затем заменять более совершенными машинами.

— Конечно...

— И я думаю, что между всеми рекордами есть общее. Поэтому расскажем, с чего начинался шаг, как он готовился, из каких, если можно так выразиться, основных составляющих образуются рекордные тонны?

— Начнем с машины. Если строго подходить, то наш УКР-1 [или, как мы его в шутку назы-

С НАЧАЛА ПЯТИЛЕТКИ БРИГАДА АЛЕКСАНДРА СИЛКИНА

ТРУДОВЫЕ

ВНЕДРИЛА 105 РАЦИОНАЛИЗАТОРСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ * ЭК

С делегатом XVI съезда ВЛКСМ, бригадиром очистного забоя шахты «Ново-Павловская» треста «Краснолугчуголь» Александром СИЛКИНЫМ беседует наш корреспондент Леонид Плешаков

Все эти вопросы в разном выложил перед Александром Силкиным, уверенный, что он сможет дать ответ. Третьяк, работав в комбинате ступной бригаде Ивана Васильевича Иванченко, он принимал участие в установлении всесоюзных рекордов по высокой производительности угольного комбайна УКР-1. В январе прошлого года Силкин принял у Иванченко прославленную бригаду, в октябре она уже под его руководством установила новый рекорд, который до сих пор не превзойден.

— Хотел бы с самого начала предупредить, — говорит Александр, — что рекорд не самоцель. Если бы вопрос стоял так: достигните высокого уровня — и все, дальше можете работать по-старому, то, пожалуй, ничего бы у нас не получилось. Не имели бы смысла из-за этого искать резервы, что-то усовершенствовать, что-то переделывать, организовывать работу так, чтоб никто не протестовал и в то же время не надрывался зря.

Так что цель нашего рекорда предельно проста, понятна и экономически необходима: посмотреть, какую наивысшую производительность можно выжать из нашей техники и какими средствами.

Комбайны УКР-1 рассчитаны по технической характеристике на добычу 7,2 тысячи тонн угля в месяц. Но уже при первом их появлении в забоях возникла мысль: «а нельзя ли на них срывать лучше! Помните рекорды добычинок из бригады Николая Мамая! Они довели выработку на своем УКР-1 до 25 тысяч тонн в месяц. Это казалось фантастикой. Но вскоре на нашей шахте бригада Владимира Никитовича Кононова шагнула дальше — добыла 40 тысяч тонн угля. Коллектив Ивана Васильевича Иванченко перекрестил и этот рекорд, а потом еще двадцать поднимал его. И вот в октябре 1969 года мы дали 85 тысяч 15 тонн угля.

Представляете, семь тысяч по техническим расчетам и 85 тысяч — в действительности! Превышение в двенадцать раз — и все эти

ваем, свекопоборочный комбайн] уже совсем не та машина, какую получили с завода. Десятки рационализаторских предложений в ее работе. Я говорю о значительных рационализациях, а не о том, что где-то приварил лишнюю болт. Хотя иногда и простой болт, приваренный на нужном месте, значительно облегчает труд.

Чего мы достигли! Комбайн вместо полутора метров в секунду стал врубаться в пласт со скоростью три с половиной метра. Мы установили селективную связь между комбайном и его помпационом, комбайнером и электротрассером. Потом приспособили гидравлическую лыжку для регулирования инюного барабана подрубки пласта и отводящую лыжку, что облегчает спуск комбайна вниз по забоям холстыми ходами. Ведь УКР-1 рубит уголь только в одну сторону. Прошел 230 метров лавы, нужно спускать его к начальной точке...

Не буду перечислять все наши рационализации, скажу только, что после них машина стала работать проворнее.

Теперь нужно и людей расставить так, чтоб они не протестовали, но и не делали лишнюю работу. Коллективная ступная бригада позволяет рационально использовать труд каждого. Они теперь не делится по видам труда [один рубит уголь, другие очищают забой, третьи крепят кровлю]. Напротив, каждое звание может выполнять весь комплекс работ, каждое может продолжать начатое предыдущим. Это сокращает потери времени.

Мы заметили, что за время смены в забое бывает напряжение то с одним видом работ, то с другим. Если каждый член бригады овладеет несколькими профессиями, то в трудные моменты он сможет сослужить. А это резерв времени. Добились мы этого: теперь каждый может работать на любом месте. Так что даже в самые трудные минуты простоев не случается.

— По вашим словам, Саша, все легко и про-

сто. Почему тогда даже вы, рекордсмены, не можете каждый месяц давать по 85 тысяч тонн угля, как в октябре? Я не говорю уже о других бригадах на других шахтах, где добыча на УКР-1 случается даже ниже 7,2 тысячи тонн, помноженных по техническим характеристикам!

— На то есть объективные причины. Но прежде чем рассказать о них, хотел бы задать встречный вопрос: а разве спринтер-рекордсмен может всегда пробегать стометровку десять раз? И разве мы можем со всем спортсменом требовать такой же результат лишь на том основании, что когда-то один человек сумел его достигнуть? Я понимаю, что аналогия со спортом несколько неточна, но все-таки есть в рекордах производственных и спортивных нечто общее: они являются как бы ориентиром для других, показывая, чего можно достигнуть, если правильно рассчитать возможности, хорошо подготовиться и в нужное время выложить все накопленные силы.

Ну, а теперь вернемся к вашему вопросу. Почему мы не можем все время трудиться на рекордной úrovни? Я уже говорил, что угловый комбайн — шаг вперед по сравнению с отбойным молотком, так как требует меньших затрат физической силы шахтера. Но он не за-

меняשא. Чем между обычной и рекордной выработкой самого комбайна.

И тут, как мне кажется, мы подошли к главному — почему все-таки рекорд был нужен.

Сначала техническая сторона. Рекорд показывал все слабые стороны УКР-1. С одной стороны, добились резкого повышения вырубки угля машиной, с другой — высокой прочностью ручного труда, причем какому-либо механизации ввести уже невозможно. Любое повышение производительности машины требует дополнительной рабочей силы, которая съест все экономно, полученную машиной. А ведь мы знаем, что уровень производительности труда рабочего в конечном счете является определяющей категорией в любом производстве.

— Иными словами, ваш рекорд подписал смертный приговор УКР-1, так как показал, что в этом направлении искать нечего? Что бы ни были делаи, выработка на одного рабочего очистного забоя вырастет незначительно...

— Показуя, так.

Еще так-таки нельзя забывать и другие стороны такого сложного явления, как рекорд. Мы не сложим каждый месяц давать по 85 тысяч тонн угля. Это верно. Не только потому,

но не приходится задумываться, почему именно ваша бригада достигла такого высокого результата, а не другая? Почему только сейчас, а не раньше? Ведь в конце концов знаешь: комбайн был нужен не вам, а тем, кто выразился о рационализации, можно было и чуть раньше. Это же можно было сделать и в других бригадах, работающих в аналогичных условиях. Я уже не говорю об организации труда, это доступно всем...

— Понял ваш вопрос. Рекорд сделали люди. И не какому-нибудь, а именно эти. Чтобы понять, почему, давайте рассмотрим конкретные данные нашей бригады.
Средний возраст — 21 год. (По шахте чуть выше. Но вы видели нашего директора — сорочка нет... совсем молодой человек, и это показательно.)

Сорок два члена КПСС, сорок один комсомолец.

Три человека имеют шесть классов образования (но это наши ветераны и на днях их проважам на пенсию). Еще человек шесть имеют по восьми классам. Остальные — средние или средне-технические. Все мы окончили ПТУ. Сейчас заочно учимся в вузы и техникумы двадцать семь человек.

— Сами учитесь?

— Не четвертом курсе Краковского техникума. Один наш рабочий уже закончил заочный институт. Получил диплом инженера, но из бригады не уходит, не хочет расставаться с коллективом, хотя ему предлагали хорошую должность.

Если сопоставить все эти данные, то многое станет понятным.

Высокий уровень образования не мода, не прихоть. Это требование времени. Труд механизирован, шахты насыщаются техникой и машинами, чтоб управлять ими под землей, нужно знать физику, математику, механику. Но пусть наших распределителей не ридились на пустом месте. В их основе знания и навыки «человечий» инженерный ум и интуиция. И польза, которую он принесет, оставаясь у нас, перекроет затраты государства на его обучение.

— Не поедаете дальше. Там, где можно было совершенствовать машину или организацию труда, мы, как вы видите, добились высоких результатов. Как только дело упиралось в ручную труд, наши знания оказывались лишними. Борьба с тубышью можно без образования вообщем...

— Другими словами, вы переросли нынешний уровень механизации в шахте? Социальный прогресс опередил степь технического вооружения!

— Вот именно. Когда, выступая на съезде комсомола Украины, я говорил, что нашей бригаде нужен угледобывающий комплекс, то имел в виду не только то, что у нас много раз повысил производительность труда каждого рабочего, углубил и добычу угля и снизил его себестоимость. Я имел еще в виду и то, что наша бригада давно переросла старую технику. Технический прогресс подталкивает не только к появлению новых станков и людей, умеющих его управлять. Мы не только можем, но и должны работать на современной. И использовать нас иначе неразумно и невыгодно.

— Почему же тогда не дают вам комплекс? — Для угольных пластов такой крупности падения и такой мощности, как у нас, еще не разработаны пневматические тубыши для крепления кровли. Те, что есть, не подходят по размерам. И вытесняет их всего одно — 130, как у него. Но ведь все равно нельзя будет стоять на месте.

— Хорошо, Сааш. Допустим, вы получили комплекс. Стало в бригаде вместо ста двадцати двадцать пять человек, как у Григория Мокца. Даете много угля, хорошего и дешевого. Не 12 тонн с одного человека, а 130, как у него. Но ведь все равно нельзя будет стоять на месте.

— Так и не будем стоять. Снова будут усовершенствованы. Кто-то будет продвигать усовершенствования рекорды.

— Пока и комплекс не станет зверхним дном!

— Он тоже обязательно останется. Он не может не устареть. Иначе остановится движение вперед.

ОДИН МИЛЛИОН ДЕВЯТЬСОТ ТЫСЯЧ ТОНН УГЛЯ *

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ — 360 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ

менее ее полностью. Если посчитать, то и сейчас больше работы приходится на наши мускулы. Рубит уголь машина. Но кровлю делаем вручную. Для этого существуют раздвижные металлические тубыши. Все каждой 212 килограммов. На всю лаву 230 штук. За смену каждую нужно вручную переставить на новое место и вручную же раздвинуть. Обычно мы выделяем на это четыре человека. Но они не успевают с работой, если мы идем на рекорд. Скорость подрубки угля возрастает, значит, и тубышью нужно двигать соответственно быстрее. А человеческие силы имеют предел. Дать бы им в помощь еще четырех человек. Но все люди в звеньях так распределены по своим местам, что в самой бригаде резервов свободных рук нет. Приходится на этот период брать рабочих из других бригад...

— И во все время установления рекорда, в течение всего месяца они работают у вас?

— Конечно. Человек двадцать — тридцать. В последний раз нам помогал людям Кононов...

— Но тогда нельзя говорить, что именно ваша бригада установила рекорд. Вы использовали и «чужую» труд?

— Конечно. В абсолютно чистом виде это достижение нельзя считать нашим. Это достояние нашего рекорда в моральном плане мы сами муштуют и не скрываем этого. Но здесь нет никакой «липы» или подтасовки.

Во-вторых, все-таки основная часть рабочих участвующих в рекорде — из нашей бригады. Соотношение: 120 и 20 в нашу пользу.

Во-вторых, подготовка рекорда, все эта рационализации и правильная организация труда — полностью заслуга полностью.

В-третьих, мы устанавливали рекорд не по высокой производительности бригады, а самого комбайна. Даже если взять расчет добычи угля на одного рабочего до рекорда и во время рекорда, то разница получится гораздо

что ушли 20 помощников из бригады Кононова. Мы и сами не можем долго работать на пределе своих сил.

И тем не менее рекорд не прошел даром. Это найдено во время его установления, то навсегда наше. Пусть мы не будем работать с прежними напряжениями, но рационализация останется, разумное распределение людей в забое — тоже. Да и каждый рабочий уже не будет сутулиться, делать лишние движения. Напряженная рекордная обстановка научила его экономить свои силы, время. Работать по-старому он не сможет.

— Это из области умозрительных заключений!

— Совсем нет. Такова практика. Помните, я говорил, что, когда бригада Кононова переработала результат Мамы и дала 40 тысяч тонн, это считали фантастической добычей! Так вот сейчас моей бригаде установлен месячный план 46 тысяч тонн. План больше прежнего рекорда. А в марте при обычной работе мы дали 47 тысяч 249 тонн.

— Хорошо. Мы все говорим с вами о комбайне, рационализации, об организации труда, говорим о бригаде. Но ведь бригада — это конкретные люди. И расширения — это творческий поиск конкретных людей. И даже сам рекорд — все-таки достижение именно этих людей, а не других. Я знаю, вы были в свое время освобожденным секретарем комитета комсомола шахты. Правда, когда в это время именно устанавливали рекорды, вы спускались в шахту с его бригадой и работали в очистном забое вместе со всеми. И мне кажется, это шло только на пользу вам и как инструктору и как будущему бригадору. Вы уже более десяти лет в угольной промышленности. Видели труд шахтера с разных точек зрения. Сами рубили и рубите уголь. Но самое главное, вы видите рядом с собой шахтеров, своих товарищей по работе. Вам

Солнечные Сבלака

Рустем КУТУП
РАССКАЗ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

*«Я из моего детства. Я пришел из детства,
как из страны...»*

Сент-Экзюпери

Тарый тополь рос в нашем дворе, морщинистый, одинокий. Умирали ветви, оставляя листья земле, но из древесной мощи выходили новые зеленые лезвия с клейкими почками и горькой горю. Погибшие стужа стужа срубали, но тополь продолжал жить в какой-то мучительной, неопределенной жажде устремления вверх, к сияющим небесам. Под его корнями был подземный ход «до самого до Кремля» — может быть, так хотелось нам, и мы поверили в желание, но легенда чисто выветрилась в сознании. Яма под тополем призывно звала, потом ее завалили, чтобы побудить опасное детское любопытство. Прилетаю грани на оставленные гнезда. Казалось, тополь бережно сохранял среди зимы и ветров ненадежный приют птиц. Каждую весну гнезда только подновлялись, и дерево многократно праздновало новоселье.

Теперь тополь сплелин, и просторный пень, оставшийся жить, хранит годовые кольца. Они постепенно гаснут, словно уходят воронкой в глубину земли. Но стоит прикрыть глаза, и из этих колец взойдет к небесам прежний тополь — облекся с шумными гнездами птиц.

В тупице между домами, где всегда пахло сырым листом, таился клад, и хозяйка этого тупица, серьезная, в пенске, полячка Олимпиавна, не раз выбрасывала за низкий заборчик лопаты кладоскателей, повторяя одно и то же восклицание: «Матка боска!»

Проходит время, и давнее уже кажется кладом, который надо непременно отыскать. Но клад тем и хорош, что надежно упрятан. Да ведь ты сам находишься при его рождении, сам дышал на него, и множество дорожек вело к его тайне. И сейчас ведет, скрытых от чужих глаз. Золотые крупицы сыплются в кладовые палаты.

Была война, и посреди двора росли тыквы и огурцы. Приходили похороники, и на лавочке сидели горестные женщины. До сих пор я помню каждую в лицо и могу через десятилетия назвать по имени. Память неистребимо сберегает дыхание общего гора — иногда оно возвращается, и я, живущий в другом пространстве, снова стою маленьким посередине большой войны.

На фронт отправляли кисеты и шерстяные носки, а по раннему свету бежали в очередь за хлебом. Тот магазин на прежнем месте, и когда я прохожу мимо, всякий раз испытываю нечто вроде голода — запах хлеба прошлым искусственным течет в крови. Очередь была во весь квартал: тесная на морозе, дышащая будто одной грудью и суетливая, переменная в летние дни.

Хлеб — в ладонь. А он, как птица.
Слово может улететь.
Синица, синица —
Линя, линя,
Слизня, слизня.
Снег какой-то синий-синий.
Мне бы в тот сурбоб забиться,
Мне бы с ирашкой забиться...

Те же дома остались, подле которых по медленной ступне продвигались мы к хлебному окошку. Они стоят, как веки, — здесь узнавалась цена хлеба и цена жизни. И в прокося по несуществующим следам...

Как оказался тот странный парашютный шелк в нашем доме? Его крепкие швы распрывали, сидя прямо на полу. Шелк невесомо плавал на руках. А потом... старшая сестра стояла перед зеркалом в ослепительном платке. Потому ли, что в доме было тихо и мерцающий голубоватый огонь котликов раскрасился дрожащими кругами, — не осталось какое-то таинственное чувство от необыкновенного отражения в зеркале. Зеркало было словно пригашено, а в глубине его стояло чистое облако — моя сестра. Я и себя увидел в зеркале, но не сразу, потому что торчал где-то в краешке эдаким большезлым совенком. Горели только мои глаза: как две новогодние свечи. И чьи-то слова: «А отец под Сталинградом...» Такие выюги. Слышишь, что за окном творится... Снова тихо — плывущий ветер, и смутно блистающее зеркало, заблуждающееся сапожником, и легкая, как белый пар, сестра в праздничном платке из военного парашютного шелка.

Вотспитале в проводной целые дни, потому что дома было пусто. А здесь рядом мать, рядом новый мир, где живут интересные взрослые люди войны, раненые. Я воровал для них понемногу спирта из белой аптечки матери и несся, как угорелый, по коридору с добычей, однако не производя шума, и поворачивая на пороге палаты, удавливая и счастливый. Я знал наизусть все военные песни, я жевал мин. И как хорошо мне тогда дышалось, как звонок и высок был мой голос! На пяточке палаты я думал:

МЕСЯЦ

Доктор технических наук Геннадий Андреевич Месца родился 29 февраля. Ему не повезло, в детстве он переживал, а теперь пришло, что день своего рождения вынужден справлять раз в четыре года.

Во всем остальном жизнь Геннадия Андреевича, как он считает, сложилась вполне счастливо. Он с отличием окончил Томский политехнический институт, в двадцать шесть лет стал кандидатом, а в тридцать — доктором и крупнейшим авторитетом в своем деле.

Тридцатилетний ученый в ранге доктора наук — явление не частое. Выступая на вручении премии Ленинского комсомола в области науки и техники, министр высшего образования и председатель высшей аттестационной комиссии Блаузин с грустью констатировал, что средний статистический возраст нашего доктора наук — 53 года. Человеку пора идти на пенсию, а он только защищает.

Если ко всему сказанному добавить, что Геннадий Месца выглядит непроизвольно молодо и похож на прилежного студента-третьекурсника, а все сотрудники и сослуживцы называют его просто Геней, то станет ясно, почему, знакомясь с ним, многие так или иначе считают своим долгом похвалить его самодельные: дескать, дорогой Геннадий Андреевич, а на доктора вы совсем даже не похожи, вот ведь как интересно.

И в самом деле, худой и выхрастый, в очках с тонкой оправой, Гена Месца не производит солидного впечатления. Нет в нем ни академической монументальности, ни той значительности в движениях, которая присуща иным молодым людям, добившимся в жизни определенных высот.

Студент Гена Месца являлся исследовательской работой еще на втором курсе. Осенью пятнадцатого учебного года, накануне преддипломной практики, его научный руководитель кандидат технических наук Воробьев предложил ему заняться наносекундными импульсами.

Человеку, далекому от науки, надо объяснить, что это такое. Мне повезло, так как рассказывал о своей работе Гена Месца. Не спеша, без аллюбо. Он вполне допускает, что слушатель может что-то не понять, и готов повторить.

Очевидно, создание импульсной техники наглядней всего началось с того самого телеграфа, который обслуживали линии телеграфисты, передавая алфавит Морзе губерние-ские новости, а свободное от работы время певше под гитару жестокие романсы.

В телеграфии использовались импульсы микросекундной длительности.

С развитием энергетики, радио и радиолокационной техники перешла и микросекундным импульсам. Это уже миллионная доля секунды.

Сейчас возникла необходимость получить импульс наносекундной длительности. Одна наносекунда — миллионная доля секунды.

Я понимаю, что словослово бы называть для наглядности какой-нибудь общепонятный процесс, который продолжается одну миллиардную долю секунды, но ловлю себя на том, что нахожусь в затруднительном положении. В повседневной жизни не приходится иметь дело с отрезками времени, измеримыми наносекундами. К тому же мне кажется, что в поисках наглядной модели или простого аналогия не нужно доходить до профанации. Итак, запомим: наносекунда — это 10^{-9} сек.

Когда студент Гена Месца занялся наносекундными импульсами, он не думал, что определит свой жизненный путь на много лет вперед, и ни о каких научных званиях и титулах он тоже не думал. Он просто проводил все свое время добросовестно, докапываясь до основ и до сути.

Он начал, как и положено, с литературы по данному вопросу, чтобы не повторять давно пройденное. Знакомился с идеями Гейсхота Герца и штудировал книгу Виндлером с удивительно романтическим названием — «Блуждающие волны в электрических сетях».

Пришлось съездить в Ленинград в Политехнический и в НИИ постоянного тока. Побывал Гена в Москве у профессора Стекольниковой и у профессора Лягте. Постепенно стали открываться перед ним возможности наносекундной техники, и он понял значимость своей работы.

Можно сказать, что техника мощных наносекундных импульсов начала развиваться сравнительно недавно. Она потребовалась в связи с успехами квантовой электроники.

Мощные наносекундные импульсы необходимы в ускорительной технике для инъекции электронов в ускоритель и для быстрого сброса ускоренных частиц. Здесь скорости близки к скорости света, и, чтоб следить и наблюдать за экспериментом, как раз и нужно мерить время наносекундами — миллионными долями секунды.

Можно назвать еще несколько примеров эффективного применения наносекундных импульсов большой мощности, но не стоит подвешивать солбаку обилье необъятное. И того, что сказано вполне достаточно, чтоб понять важность и необходимость этих работ для сегодняшнего дня.

Естественно, когда человек открыто рассказывает о своей работе, он не скрывает трудностей, а увлека-

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тажмалников вручает премию

шись, забывает, что перед ним не специалист, которому трудно следить за деталями.

Гена Месца был сдержан. В академические дебри его не заносило. Он разговаривал со мной вполне уважительно, бережно обходя те очевидные трудности, которые я не смогу понять.

Я узнал, что вначале работа Месца шла медленнее, чем хотелось бы. Не было ни сотрудников, ни приборов. На одной из установок, собранной из подручных средств, на веревочке висела банка с водой: в воду добавляли соль и таким образом меняли сопротивление цепи.

Тажмазо было и оттого, что в любом деле находятся скептики и просто осторожные люди, они иногда вполне искренне хотят предостеречь: дескать, молодежь старается, энергии много, а зачем — неизвестно.

Первым своим настоящим успехом Геннадий Месца считает разработку схемы укороченных импульсов, которая позволила регулировать длину импульса в широком диапазоне.

После 114-й Всесоюзной конференции по газовой электронике, где

рассматривалась работа Месца и его группы, скептики поубавилось. Увидели: работа важна настоящим делом. Появились новые приказы, уже не самодельные, появились солидные заказы, для многих неожиданные.

Академик Васов, лауреат Нобелевской премии, акадэл в Томске у Месца для генератора для получения импульсов, чтоб модулировать добротность резонаторов рубиновых лазеров.

А потом началось сотрудничество с академиком Бударевым. Сергей Бугаев стажировался в Новосибирске у Вудлера, исследовал оптические явления, сопровождающие электрический разряд в вакууме, и обнаружил катодные факелы. Нужно было создать подобную аппаратуру у себя. И создали.

Мне показывали эту аппаратуру, водили по лабораториям, и я должен сказать, по всему чувствуется, что доктор Месца любит порядок.

Настоящая наука всегда сложна. Категоричное заявление о том, что все гениальное просто, следует чуть дополнить и дописать: просто

Молодого комсомола сибирскому ученому доктору технических наук Геннадию Месца.

громкое слово. Кем он мечтал быть в юности, ему трудно сказать, так сразу. Мечты менялись последовательно. Хотел быть врачом, юристом, потом вдруг так понравилась лошадь, что в школе, в классе девятком, он серьезно жалел, что в жизни дни не кавалерии. Если б Сергей Бугаев родился лет сто назад, он, безусловно, пошел бы в гусары и в свои годы был бы уже гвардейским ротмистром. Никак не меньше.

О Борисе Ковальчуке все в один голос говорят, что он очень талантливый парень и уже подготовил кандидатскую диссертацию. Скоро будет защищать.

Если б и копаться нан-то двумя словами охарактеризовать атмосферу в этом молодом научном коллективе, подобрать самый подходящий день, я бы сказал: доброжелательный и непредвзятый.

Здесь судят о людях по результатам их труда и по тем личным качествам, которыми можно гордиться. Меня спросили:

— Вы должны написать еще и о Диме Прескуровском.

— Обязательно. И о Славе Хмырове. Был студентом-вечерником. Сейчас работает у нас. Отличный парень!

— А о Борисе Семине сколько можно написать!

С самого начала я понимал, что попадаю в зауряднейшее положение, но вполне чистосердечно обещаю, что напишу.

Кто-то сказал мне, что у Геннадия Месца счастливое сочетание — редкий сплав научного и административного таланта. Когда я сидел об этом самому Месцу, он попробовал внести ясность:

— Видите ли, в институте я всегда увлекался комсомольской работой. Не знаю почему, но существует мнение, что общественная работа отягощает от научной. Я думаю и берусь доказать, что это не совсем так. Комсомол научил меня разбираться в людях. А руководителю научной работы, помимо науки, нужно уметь разбираться в человеческих характерах.

Пожалуй, все, с кем я встречался в Томске и в Москве, в один голос соглашались, что Месцу удалось создать прекрасный коллектив. Одни говорили:

— Он подобрал таких ребят, что теперь ему легко работать.

Другие просто удивлялись: «Вы же совладели, подобранные толковые ребята. Но вообще это Месца заслуга, энергии в нем — это ж второго такого поискать!»

Мы виделись много дней подряд, и я старался найти ту главную черту в характере Гены Месца, ту черту, из-за которой в тридцать лет он достиг того, чего многие при всем желании не достигают и в шестьдесят.

Проще всего сказать, что он талантлив. И если правда так: талантливому человеку много дано. Но такое заключение похоже на канцелярский отписку. Одного таланта мало. Если к этому добавить, что он еще и очень целеустремлен (такое определение часто употребляется для описания характера творческого человека), то и такого уточнения будет мало. Да, он талантлив, да, он целеустремлен, но это еще не образ и даже не портрет живого человека, Геннадия Месца.

Однажды мне показались, что я это боялся.

Мы сидели у него дома, говорили о наносекундной технике. Перед ним на письменном столе лежал открытый учебник английского языка. Женя дома не было, и сын Геннадия, распевая песни, время от времени вселял к нам на трехколесном велосипеде, провозил тем самым некоторый шум.

Звонил по телефону на институте и на обоях комсомола, были какие-то срочные дела, в которые нужно было вынуждены и совгостить. Он анализировал и советовал, топиками пальцами барабанил по столу. И вдруг я понял.

Если есть положение, согласно которому у писателя не должно быть ни дня без строчки, то у ученого Геннадия Месца нет ни одной минуты без дела. Весь его день с утра до вечера расписан, и в нем нет и не может быть пустых промежутков. Он всегда занят. Вот почему в тридцать лет, когда многие по-настоящему только еще выбирают свой путь, он считается крупнейшим специалистом в своей области.

Некоторые моменты мы встретились в Москве, во Дворце пионеров, где вручали премии Ленинского комсомола. На сцене справа сидели известные ученые нашей страны Келдны, Кириллы, Елютины, Александровы... А слева — лауреаты уже с лауреатскими знаками на красных ленточках. Молодые ребята, молодые ученые со всех концов страны. Их подражали, и они смущались от аплодисментов и звала.

Я хочу пожелать, — сказал академик Келдны, — чтобы дорога их в науку была красивой и широкой.

— А я пожелаю вам новых успехов, — сказал академик Кириллов. — Только успехов! — И добавил, улыбувшись: — Хотя вы уж и так обогнали многих ученых старшего поколения.

Когда этот номер «Смены» готовился к печати, из Томска пришло сообщение о составлении делегации на XVII съезд ВЛКСМ. Среди имен молодых сибирских рабочих, студентов, колхозников я увидел и имя лауреата премии Ленинского комсомола, одного из лучших технических наук Геннадия Месца.

В исследовании наносекундных импульсов большой мощности Геннадий Месца, Сергей Бугаев, Владислав Кременев и Борис Ковальчук удостоены премии Ленинского комсомола.

Ближайшие сотрудники Месца — люди разные, у каждого свой ярко выраженный характер и свои привычки, с которыми научный руководитель, если он хочет руководить по-настоящему, должен считаться.

Первый аспирант Месца Владислав Кременев по складу ума и характера чистый теоретик. Он уже давно зачислился, стал старшим научным сотрудником, получает большую зарплату, но за внешностью своей не следит принципиально.

Сергея Бугаев тоже уже кандидат и старший научный, но считает себя инженерно-исследователем, поэтому что слово «ученый» слишком

для того, кто сам искал и нашел ответ, но не гениальный.

Неумякнато трудно понять, на основе каких законов написана симфония, но это совсем не значит, что только музыканты любят музыку.

Так и в науке, оценить красоту эксперимента, смелость идеи по-настоящему может только ученый, да еще к тому же работающий в данной области. Но проанализировать увиденное и исследователю, понять значимость открытия может каждый грамотный человек. При условии, если, конечно, он захочет понять.

Меня водили по лабораториям, показывали мне установки уже в металле и еще на чертежах. Ребята знали, что я буду писать, и они добросовестно и подробнейшим образом рассказывали о каждой из этих установок. Я записывал, но знал заведомо, что эти записи мне не понадобятся. Мне бы пришлось писать не статью и не отчет, а вполне научное исследование. Но я не жалел, что делал записи.

Мне было интересно наблюдать за увлеченными людьми, рассказыва-

О ЧЕМ МЕНТАЮТ В ВОСЕМНАДЦАТЬ

Девушке исполнилось восемнадцать. Она работает на заводе, у нее заботливые, свекровидные родители («Другим не разрешают поцеловать гулять или носить короткие юбки, а мне можно»), и вообще все у нее в жизни «хорошо и правильно». Однако томит какое-то беспокойство, особенно раздражают разговоры взрослых о любви, «потому что любовь вообще не существует. Любовь — это кратковременная привязанность к человеку, она интересна до того времени, пока все о нем не узнаешь», — так решает наша философша.

Разумеется, ее взгляды, нам, вернее, миролюбное настроение, не могут вызвать ни малейшего беспокойства: жизнь уже готовит взлетому первое испытание, и любовь стоит где-то возле самого порога. Начнутся иные требования, например, такие, о которых пишет в редакцию другая восемнадцатилетняя девушка: «Я боялась одного — боялась, что ему про меня скажут что-нибудь плохое. А я очень хотела, чтоб он верил, что это у меня не очередное увлечение...»

Не меньшим светлым облаком внутренний мир и противоположного пола. Один знавший юноша даже просит посоветовать, как найти хорошему, «по душе» девушку. Наверно, «самотронуя свата», если б она уже функционировала, очень бы пригодилась ему на такой случай. Но если без шуток, то молодые люди весьма озабочены необходимостью выбора. Они признают собственные несовершенства, «но разве раньше мужчинам были все идеальны? Конечно, нет. И все же женщины оставались женщинами, аскосками. Они не теряли чувства гордости, дорожили своей чистотой». Другие подталкивают: «У девушек сейчас почему-то пошла мода подражать парням: с сигаретами в зубах сидят, закинув ногу за ногу... У них не руки отрубешине, а души. Что же остается девичьей? Кроме помады, больше ничего».

Но будем задаваться в вопросе, кто больше виноват: нетерпеливые девушки или безответственные их друзья («Современному юноше раз плюнуть признаться в любви, а потом извиниться и сказать, что он был нетрезв»). Попытки, увлечения и разочарования, даже ошибки естественны, избежать их почти невозможно. Собственно, они и есть первая серьезная проверка человеку: то, что до сих пор накапывалось как бы пассивно, нравственный багаж, приобретенный за 18—20 лет (учебные утверждения, что формирование личности начинается буквально со дня рождения), — все это и влияет теперь на главный самостоятельный шаг.

Отговорись сразу. Я не принадлежу к числу тех моралистов, которые считают, что чем трезвее, расчетливее — а по срокам позднее — люди решаются на супружество, тем лучше. Чувства, интуиция, душевные порывы тоже имеют свои права! И смешно требовать от юности старческой осмотрительности. Всегда будет заключаться брак, поспешные в глазах старших,

но вовсе не обязательно поэтому несчастные. Называние собственного опыта отдают недомыслием.

Не могу не вспомнить, к слову, такого вот умудренного родителя, который в послании на имя директора Дворца бракосочетаний требует ни много ни мало, как помешать свадьбе дочери, ибо «по нашему мнению (меня, жана, родителей и знакомых), этот брак невозможен и не должен состояться. Прямо так и написано черным по белому! Стои! Настолько потерял чувства реальности, что не совестишься третировать собственную дочь, как старшую деву, которой очень захотелось замуж». А между тем я не вижу ничего предосудительного в том, что молодая женщина стремится к замужеству. Это отдало не постыдное жеманье. Наоборот, оно естественно подводит человека к тому единственно неоспоримому долгу, который имеет каждая из нас перед природой и обществом, — дать жизнь следующему поколению.

И, сознавая, я не вижу ничего особенно безнравственного в поведении девушки, которая перед уходом своего избранника в армию решилась дать ему самое большое доказательство верности и любви, на которое только способна женщина. Ее поступок опрометчен! В какой-то мере — да. Но такому порыву нельзя отказать в самоотверженности. С одним, разумеется,

Воспитание
чувств

Людия ОБУХОВА

ЛЮБОВЬ —

добавлением: если продолжение своего шага она возьмет на себя столь же мужественно и будет смотреть на ребенка отсюда не как на несуществующую случайность, а как на закономерное и желанное следствие союза двоих.

Почему что, дорогие товарищи, давайте говорить, как взрослые люди. Как граждане, наконец.

Прекрасная весна любви не может быть самоцелью. Непотворимость чувства, словно светлый родничок, неизбежно выольется в более широкое русло всей долгой человеческой жизни. Любовь ведет к браку, брак кладет начало семье. А что такое семья для современного человека?

Попробуем поразмышлять именно над этим.

НЕМНОГО О «ЕСТЕСТВЕННОМ ЧЕЛОВЕКЕ»

XX век — век пластмасс, атома и прорыва в космос — неизбежно потребовал огромного всоспобного напряжения интеллектуальных сил. Ученые были бы просто не выжили, если бы прогресс. И мужчины и женщины боролись в науку, как когда-то кидались на штурм крепостей. Технические знания повсюду были чуть ли не каждому третьему на плакате. Оценка личности тоже норовило переместиться из сугубо моральных норм (Плохой — плохой, добрый — злой) в явное, профессиональное, что ли, параметрически четкая шкала работоспособности, умение ценно схватить суть яви и сосредоточиться на определенной проблеме стали определять во многом ценность и место человека в обществе.

Это, естественно, потребовало многого знаний, долгих лет обучения. Молодые люди давно уже соревнаясь и физически и духовно, но продолжали жить на средства родителей и вести образ жизни существ получившихся.

И вот тут-то на лугезарной формуле «чужие — сны» ставил, на мой взгляд, добавляя первые тревожные пятнышки.

Почему за возможно лучшей профессией повнеумного грозила приглушить у человека его естественные склонности.

В каком-то старом романе, кажется, Писемского, отец призывает в кабинет своего зятя и всеставительно говорит ей: «Каждый порядочный деушка хочет в двадцать лет выйти замуж. Вам, Юлиа, двадцать лет, и я намерен устроить ваму свадьбу». Помню, тогда я бурно возмущался подобным самодурством. Но сейчас не меньшим самодурством — или эгоизмом «ради детей» — мне представляется и упоеняющее уже отцовское письмо во Дворец бракосочетаний.

Нет, я за «естественного человека», который скоро поступится преимуществами высшего образования, чем задушит в себе нормальные человеческие стремления.

НА РАДОСТЬ И НА ГОРЕ, ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗАУЧИТ НАС

Старинные формулы бракосочетания были очень емки, они напоминали о долге, который двое людей добровольно принимают на себя. Именно ощущение ответственности за другого помогает пережить жизненные кризисы, неизбежные почти в каждой семье.

А что лишь в том, что семья образовалась? А можно ли назвать семейной жизнь молодых людей, которые, и побывая в загсе, решительно ни в чем не намерены изменить свой образ жизни, поступиться друг для друга удовольствиями и собственными планами?

Одна молодая пара (строго говоря, не такая уж и молодая, они поженились пять лет назад) всерьез обсуждала проблему, кто им завести: ребенка или... собаку? Ведь собак тоже требуют ухода.

Характер семейных отношений, безусловно, меняется в ходе истории. Стремление во что бы то ни стало освободиться от пут брака, чтобы иметь время для высших интересов, на первый взгляд можно приветствовать: это так современно!

Но давно известно, что путь приобретений есть и путь потерь. Опущенные домашние заботы, как провалится, бесхозяйственные отношения по этому поводу не сделают людей пока опущенно духовно богаче, но зато стремительно развивают эгоизм. Иной раз создается впечатление, что даже появление ребенка у молодой четы больше нужно деду и бабушке, чем самим родителям. Юные — а потом уже и не очень юные — папа и мама продолжают вести полуаутономную жизнь, весь их интерес сосредоточен или дома. И, собственно, утратить их как будто не в чем: они защищают диссертации и пишут дипломы, вынашивают новшества на производстве, их ценят профком и местком, поощряет дирекция — в общем, товарищи горят на работе. Только домашний очаг, и поспоришь-нибудь не получающийся в достатке топлива, все хрепит и наконец гаснет.

А годы не стояли на месте; уже близко к сороку, на очередной брак надеяться трудно. Жизнь испорчена. И никакие успехи на служебном поприще, никакие дипломы и свидетельства не смогут унять постоянной тупой боль под левым ребром...

МНЕНИЕ УЧЕНЫХ

Его назва, в Минске собралось совещание демографов и социологов, то есть тех ученых, которые интересуют все, что связано с проблемой народонаселения.

Обществу отнюдь не безразлично, много или мало появится у него граждан, кто встанет через двадцать лет в станках на заводик, какое количество крестьян, ученых и солдат реально будет жить и трудиться на его полях и в лабораториях, продавая пшеницу, воплощая идеи.

Забота демографов как раз и заключается в том, чтобы проследить эти процессы, объяснить их и, если возможно, направить. Таким образом, наше любопытство — каково она, современная семья, краутоуличный камешек любого государства? — тоже вполне оправдано.

Профессор Белорусского университета Н. Г. Юркевич сообщила интересные сведения по динамике брачных разводов.

Конечно, развод — это не какой-то мистическое зло «само по себе». Иногда развод, напротив, великое благо, наиболее гуманный цивилизованный выход из невыносимого тупика. В самом деле! Если б Алма Каренина могла получить в свое время развод, жизнь ее была бы спасена. Вронский избавлен от вечного отчаяния, а сам Алексей Александрович Каренин не нес бы тяжелой крест обиды и унижения. Составные сложности бы судьбы безропотной «дамы с собачкой», и вообще одной драмой у человечества было бы меньше.

На обычный неуклюжий взгляд повод к разводу выглядит примерно так: жена-была адов человек, она повелась, но брак оказался нам ошибкой (не сошлась характерами), или вспыхнуло новое сильное чувство к кому-то третьему. Супруги разошлись, неудачная семья распалась, а взамен возникло два новых, счастливых. Никто не в убытке. Общество тоже.

А вот как это получается по демографической статистике. В 1950 году на каждый развод в самом деле отменялось два повторных брака. Спустя девять лет положение уже несколько изменилось, и лишь один из разведенных вступал в супружество. А еще через семь лет, в 1967 году, положение заметно ухудшилось: на десять разводов заключалось лишь один новый брак! Центральная скамья развода превратилась в безжалостный мет: он рессекал по живому, но рано не сростался. 70% разведенных женщин оставались одинокими, но и у остальных 30% новый брак оставался бездетным. Что из того, что он регистрировался? Семья все-таки не получалась. Только появление детей становится тем новым качеством, которое приобретает свою мужичья и женщины. Ребенок не только родит их кровно, физически, но и вносит в атмосферу новое множество новых нравственных оттенков. Еще ничего не сознавая вокруг себя, малыш уже оказывает ежедневное благотворное влияние на своих родителей: они сами не замечают, как становятся мягче, осмотрительнее, тактичнее. Их существование постоянно

Фото Владимира ЧЕРНЫШИ

ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ

осветается и согретаются новыми областями. Забота, опасения, необходимость создать устойчивый быт; наконец, вопрос о повышении заработка — все отходит подчиненно интересам крепкого здоровья, которое с легкой возмущенностью оставляет позади себя, как первичный субфактор, способ доверчивости и безоглядному любовью. Ребенок беспрестанно толкает физически, на самом деле он всемогущ! Он легит характеры и изменяет язык. Став отцом или матерью, младозрелост окончательно. Это процесс и моральный и общественно-социальный. Нет ничего более жалкого, чем задержанные наследственные мальчики и их резкие подружки, которыми давно сравнялся третий десяток...

Для правильного духовного развития человеческая личность должна падать в качественно различные, обусловленные помом и возрастом жизненные ситуации. Если оставаться в одном из них, человек не растет, а будет даже всемогущее поприще науки. Не может почитаться идеалом тот, кто все эмоциональное богатство своей натуры ограничил лишь полем умственных исканий. Мне много возразят, что именно такой человек владыка умов современности, так как с вышнейшей отдачей следует прогрессу. Позвольте мне усомниться в этом. И если уж так велико социальное значение, как степенью доверия, зная, что омы, женщины, не позволим возвращать нас в домашнее хозяйство, ибо мы нужны науке!, я могу ответить ей, что еще больше женщины нужны самой жизни. Новоявленные амбиции, с презрением отталкивающие от установки домашнего очага и женовядения, в два счета, поприще атомной бомбы, развалит любое общество. А главное, алчность перспективы: ведь через двадцать—тридцать лет просто-напросто никому не станет служить науке и открывать ее тайны!

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА МИРА

Я слышу голоса сомневающихся: о каком «общественном» мы толкуем? Разве человечество, напротив, не вступило в опасную эру перенаселения? Демографический взрыв — это ведь существует?

И да и нет.

Население планеты в целом, бесспорно, увеличивается. Но процесс этот происходит отнюдь не дружно и равномерно по всем странам и континентам. Демографический гребень полог на высоком, надкусанном с разных сторон склоно: то бутры, то рытвины. Европа, например, находится в явном «провале»: за тысячу лет в ней рождается не более восьми миллионов, а в это самое время (берем начало с 1850 по 1960 год) население Азии выросло на 21,7%, Африки — на 24%, Австралии и Океании — на 26,3%, а Латинской Америки — даже на 31%!

Успехе выходит в некоторой растерянности. Еще совсем недавно господствовало мнение, будто снижение рождаемости связано с ростом городов. Горожане живут тесно, напряженный ритм жизни и плотная рабочая занятость не дают возможности уделять много времени семье. Играет роль и более высокий уровень жизни: город предоставляет больший простор для интересного досуга, развлечений, учебы. Многодетная семья всеому этому является препятствием.

Но дело не обстоит так прямолинейно. Как раз Австралия с ее высокой рождаемостью имеет самое большое городское население. Еще удивительные сведения по Латинской Америке: в Венесуэле в городах живет 60% всех венесуэльцев, и ботаники и ботаники, а в Уругвае — даже 81%, а рождаемость там самая высокая в мире (почти 31%).

Загадки современной демографии пока ученые не разгадали. Тем более не сумеем сделать этого мы. Плотом от планетарного масштаба перейдем лучше к тому, что касается нас лично: — к собственному дому. И не для того, чтобы немедленно разобраться в тех же демографических головоломках, но чтобы получить хоть общую информацию.

Но секрет, что в отдельных областях страны наблюдаются след рождаемости.

По сведениям одного из участников минского совещания, заслуженного экономиста Армянской ССР К. Х. Вермишева, ежегодный прирост населения у нас за семь лет снизился.

Среди факторов, которые ученые считают важными в регулировке рождаемости, существует и такой, как возраст вступающих в брак. Раньше заужества (15—19 лет) в Европе наблюдались крайне редкие: например, в Швеции — всего 2,7% от всех новорожденных (хотя маленяк Алфран, находясь на том же континенте, дает более высокую цифру — 20,9). В Африке — от 31,4% (ОАР) до 80,5 (Гвинея). И эти, африканские женщины рано вступают в брак и матерями. Не будем опять-таки углубляться в вопрос: хорошо это или плохо? Мы лишь видим наглядно, как изменяется демографическая карта мира.

Поздние браки, бесспорно, сокращают «детородный период». Профессор Валеттея говорил об общем «старении» населения: все большее число человек общества попадает не только в старость, когда возможно иметь детей, но и вообще из сферы экономического производства: следовательно, на плечи лиц трудного возраста ложится все большая тяжесть по содержанию детей и стариков, и отдельная семья видит немалое облегчение в том, чтобы иметь детей как можно меньше или не иметь их вовсе. В самом недалеком будущем подобная тенденция неизбежно приведет к сокращению численности между работающей и неработающей частью населения (в Москве уже сейчас около двух миллионов людей старше пятидесяти лет).

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДОЛЖНОСТЬ — МАТЬ

Каков же выход, и с точки зрения государства и применительно к интересам каждой семьи?

Как показывают исследования, в детском саду большинство родителей относятся благожелательно. Но к яслям, даже благоустроенным, резко отрицательно. Действительно, в первые годы жизни ребенку изменить мать не может никто, и на это время необходимо создать, следовательно, женщины производственной нагрузки и повысить материальное благосостояние семьи — явь в виде пособий на каждого рождающегося ребенка, или просто сохранить зарплату женине-матери, уделив таким образом ее детскому отпуску до трех лет, или трех лет, причем рассматривать это время как общественно полезную работу.

По расчетам К. Х. Вермишева, такое отношение государства к производству не убыточно государству! Как ни странно, ребенку можно определить довольно точную «цену». «Стоимость» светящегося человечка равняется 3 500—4 000 рублей в год.

В школьные годы эта сумма, естественно, увеличивается; к совершеннолетию молодой человек будет «стоить» уже 15 тысяч рублей. Если к этим затратам приплюсовать пособие матери на домашнее воспитание ребенка в первые годы его жизни, то всю эту сумму можно рассмотреть как аванс обществу. Если же считать, что в первые годы жизни ребенок будет посылать за посмудующие 40—45 лет полезного труда, Вермишев проведя расчет:

- 1) Дополнительная продукция сверх зарплаты: по 1 руб. в год (на 45 лет) — 45 лет руб.
- 2) Пособия аванс децств: 15 тыс. руб.
- 3) Авансирует свою старость (пенсия) до 70—75 лет: 12 тыс. руб.
- 4) Расход на двоих детей: 30 тыс. руб.
- 5) Оставит обществу на дальнейшее развитие производительных сил: 40 тыс. руб. (для 60—70% к сумме, выплаченной за 40—45 лет зарплаты).

Таким образом, предполагаемое пособие на ребенка можно было бы рассмотреть не как подарок, что кажется некоторым оскорбительным, — а как сумму денег, взимаемую будущим членом общества.

А как же быть с матерью, что «женщинам нужны науки» (еще в большой мере — производство, городскому и сельскому)? Не подорвет ли народное хозяйство такое отвлечение из него сразу миллионов женщин-тружениц? Однако разве не придется смотреть на семейную жизнь не как на сугубо частное дело, где каждый устраивается как сумеет и захочет, но возмещает рождение и воспитание детей в раи общественного почетного труда.

Но кроме экономологической материальной стороны, существуют моральные факторы. Прежде всего придется выправить наш общественный «перекос сознания»: вчитаться смотреть на семейную жизнь не как на сугубо частное дело, где каждый устраивается как сумеет и захочет, но возмещает рождение и воспитание детей в раи общественного почетного труда.

И если наукой сотрудник Института конкретных социальных исследований при Академии наук СССР Александр Шенников. Липкова утверждала на минском симпозиуме, что личность женщины формируется вне дома, в процессе труда на производстве, то я склонна не согласиться с ее мнением, а, напротив, поддержать кандидата философских наук Николая Григорьевича Шенникова, который выдвинул обратный тезис: личность женщины формируется в основном в семье. Так сложилось исторически с первых шагов развития человеческого общества, но на многом продвинулась и нынче. Отлучить женщину от семьи, вынуть ей, что забота о детях и муже не только побочное, почти неприличное в наш век кибернетики, разитие ложный стыд за женские походы в социальную сферу, но и лишает женщину возможности активно участвовать в общественной жизни. Так сложилось исторически с первых шагов развития человеческого общества, но на многом продвинулась и нынче. Отлучить женщину от семьи, вынуть ей, что забота о детях и муже не только побочное, почти неприличное в наш век кибернетики, разитие ложный стыд за женские походы в социальную сферу, но и лишает женщину возможности активно участвовать в общественной жизни.

И очень жаль, что сегодня еще нельзя отчасти не согласиться с писемом, которое я получаю недавно от одной читательницы. «Вы правы», — пишет она, — женщина теряет свою женственность, но в этом повинно не только воспитание, но и уклад жизни: женщины в наше время много делают, но их возмездие она отдает себе, или ей собственно иметь от природы, — женство, нежность, мягкость. Часто она исполняет ту же мужскую работу, у нее так же не адятся, даже больше не адятся, потому что сила все-таки мещу, отсюда постоянное раздражение, грубость. В общем, в наше время женщины, особенно старые, несчастнее мужчин. Много страдает в науку, в литературу, вообще — в профессию и совершенно забываю, что они женщины».

ПРОНОЗ НА БЛИЖАЙШЕЕ БУДУЩЕ

В мировой социологии существуют две точки зрения: одни считают, что нужно освободить женщину от общественной жизни для детей и семьи и таким образом снять чрезмерные нервные и физические нагрузки. Вторые настаивают на расширении ее функций и ответственности.

Истина, как всегда, лежит где-то посредине. На фактическое разрушение семьи при первом варианте едва ли согласится и современники и ближайшие поколения, что будет дороже, преодолеть труднее). Но и первый вариант, безусловно, исполнению неприемлем. Нам необходимо воспитанием подготовить молодое поколение, которое в итоге должно быть способно самостоятельно являться домом различных миров: дом и место профессиональной работы (считая именно дом чем-то второстепенным, малоинтересным, никак не могущим служить критерием роста человека).

Подготовка к жизни в современном мире, как нам приходится становиться ритм современной жизни. Не только отягченное обучение требуют наука и производство, но и духовного здоровья, дальновидности, смекалки в решениях, умения ладить с людьми вокруг себя — это нечто комплексное «воспитательство». И кто лучше матери, главного и естественного авторитета в семье, сможет обеспечить ребенку в будущем быт и развитие? И кто лучше, правила социалистической морали и советского ориентира? Если, разумеется, она сама будет подготовлена к такой миссии, если государство ей поможет создать общественное мнение, создаст необходимую атмосферу и среду. Подготовкой к жизни в современном мире, как нам приходится становиться ритм современной жизни. Не только отягченное обучение требуют наука и производство, но и духовного здоровья, дальновидности, смекалки в решениях, умения ладить с людьми вокруг себя — это нечто комплексное «воспитательство». И кто лучше матери, главного и естественного авторитета в семье, сможет обеспечить ребенку в будущем быт и развитие? И кто лучше, правила социалистической морали и советского ориентира? Если, разумеется, она сама будет подготовлена к такой миссии, если государство ей поможет создать общественное мнение, создаст необходимую атмосферу и среду.

Фото Льва БОРОДУЛИНА

ДОПОЛНЕНИЕ К СЛАЗАННОМУ

Валерий ХАРЛАМОВ, заслуженный мастер спорта

Прежде чем начать писать, я достал прошлогодний номер «Смены». Разно год назад, в десятом номере, были опубликованы мои заметки о первенстве мира по хоккею. И вот второе в жизни выступление в печати. В той же «Смене». Тоже в десятом номере. И снова о стоковальском чемпионате.

Тогда редакция дала к статье подзаголовок «Штокгольмский чемпионат глазами дебютанта». Сейчас дебютантами были другие, а наша тройка отвыкла к чужой еде и не самых опытных, то, во всяком случае, достаточно закаленных и испытанных бойцов.

Труднее или легче, интереснее или нет было играть в Стокгольме? Мы немало говорили и спорили об этом, и больше всего с Анатолием Фирсовым, вместе с которым жили в одном номере отеля. Мнения наши расходились. Мне кажется, что не легче. И уж, конечно же, никак не интереснее. Конечно, соперники были так же сильны и опасны, как и в прошлом году, и борьба была не менее напряженной, и сюжет чемпионата был столь же драматичным, но... Тот же город, то же время, тот же медленный стадион. Тот же предматчевый ритуал. И тот же отель «Фламинго». Наверное, любители спорта, наши болельщики, об этом не думали. Но, поверьте, острота вос-

приятия притуляется. Праздник, повторенный на следующий день, не кажется столь же ярким и впечатляющим, как накануне.

Еще до начала турнира можно было услышать немало разноречивых суждений о том, как скажется отсутствие канадцев. Не думаю, что канадская сборная могла без помощи профессионалов вменяться в распределение призовых мест. И жалеем об отказе канадцев приехать в Стокгольм по другой причине: встречаясь с родоначальниками хоккея, проверишь себя на мужество, отвагу, силу, проверишь, мужичили ты.

Хочу оговориться, что мое восприятие чемпионата субъективно и, видимо, спорно, но я и не претендую на окончательную истину. Тем более что матч вкатури видится иначе, чем с трибуны или с экрана телевизора.

На мой взгляд, наша команда была сейчас значительно сильнее, чем в прошлом году, разве и надежде во всех линиях, хотя можно, ко-

колония двадцать — тридцать годов свободно расширяли это сокращение: ТРАМ — театр рабочей молодежи. Трансное движение принесло советскому театру особые боевые дух революционной молодости, страсть, любовь к труду, умение радоваться в строительстве новой жизни всеми средствами, доступными пролетариату и творческой интеллигенции, вплоть до театральных игр.

Трудно сказать, что именно позволило привлекательные сотни юношей и девушек разных профессий и даже разных городов и поселков Московской области в афише о приеме в ТРАМ-69 Дома культуры московского завода «Калибра». Впрочем, не только Московской области — на конкурс приезжали даже из соседней Калининской.

Это было в октябре 1969 года. А сегодня перед нами — спектакль, излучающий атмосферу такого взаимоотношения, такой творческой и человеческой сплоченности и такого напористого поиска, что, будуча однажды занята на занятиях, вы непременно захотите вернуться сюда, чтобы не помогало объединению незаметно и очень разнородной молодежи — за каких-то четыре месяца, как и так крепко, что теперь, в свою очередь, они способны объединять вокруг себя иноязычные семьи искренних и бесстрашных друзей.

— Воскресенье — самый творческий день в ТРАМЕ: история музыки, актерское мастерство, техника речи, сценические диалоги, напевы, репетиции и спектакли. К вечеру заведет на уставшую. Это но становится уставшей. Счастливая — от огромного душевного удовлетворения, которое испытывает каждый из двадцати шести студентов.

В перепадах между занятиями и репетициями мы беседуем с педагогами ТРАМа и инструкторами из актерского рабочего театра. Момент быт, их рассказы о студии и ее людях — такне изложено и не повторяться друг друга, как самим рассказчиками — помогут читателям войти в атмосферу, но привлекательный мир ТРАМа...

Александр Михайлович КРАВЦОВ, худруководитель руководителя ТРАМа-69.

— Мне не приходится обихаживать на занятиях: в журналистике и режиссеру, основательно погруженному в профессиональную работу и вне студии. Что привлекало меня к работе, такой большой и ответственной, требующей большой ответственности и творчества? Сейчас уже все нами студийно понято: к театру, к актерской профессии нельзя прийти как к работе. Тем, кому хотелось заниматься студийно, или режиссером, приходило к этому естественным путем. А путь этот я определял бы словами А. М. Горького, который утверждал, что стал писателем, потому что не мог не писать. Без четкого мировоззрения, без творческих убеждений, без большой ответственности временем и человеком не живет жить подлинное искусство.

Студия не стремится обязательно создавать актеров. Студия призвана

разбудить и воспитать человека творческого. В любой профессии можно быть только старательным исполнителем, но можно стать творцом. Цель этого и несоблюдимого метода, который помогает систематизировать творческие усилия и привести их к продуктивному результату.

Система Станиславского — это не только технология актерского мастера и не только средство воспитания актера-художника. Система Станиславского способна разбудить творческую природу любого человека — ученого, учителя, инженера, рабочего, — важно лишь, чтобы система преподавалась правильно, в единстве всех ее составляющих частей. Но практика показала, что дело не только в системе — дело в ее творческом сочетании, я бы сказал, слитии эстетического и политического воспитания в самостоятельной студии. У нас именно так и происходит: каждый студент творчески ищет марксистско-ленинскую эстетику.

Мы часто повторяем ленинские слова: «Искусство принадлежит народу». Мне бы хотелось сегодня подчеркнуть в этом высказывании Владимира Ильича то, что ему представлялось особенно важным. В беседе с Кларой Цеткин об искусстве Ленина подчеркнул, что оно должно уметь убеждать своими корнями в самую толщу трудящихся масс. Оно должно обрешать чувства, мысль и волю человека, а не только его сознание. Оно должно ОБЪЕДИНЯТЬ В НИХ ХУДОЖНИКОВ, РАЗВИВАТЬ ИХ. Как видите, ленинская мысль سخвала прежде всего ленинскими воспитанием творческой личности.

Цель нашей студии — коллективное воспитание, которое привело бы и пробуждение творческой природы в каждом из студентов, независимо от того, какой профессии, какому призванию они себя посвящают и хотят посвятить.

Но у нас есть и другая цель — не менее важная: волювать своих зрителей — а это прежде всего рабочих молодежи — тем, что волнует сегодня и нас. Стендажи наши должны отражать то, что мы открываем в сегодняшнем дне страны и мира, в его сложившихся, в их характере. Искусство, творчество, эстетическое воспитание, гражданская любовь, отстаивающее высшие принципы советского образа жизни и советского взгляда на человека и его место в обществе, и не менее важно: воспитание Театра рабочей молодежи. А цифра обмане не формальная. Она означает, что наши интересы тесно связаны с интересами миллионов гражданских чинаемых рабочего класса, комсомола.

На репетициях спектакля «Люди без границ» мы не забываем студийный метод и призван отразить славу историю советского рабочего класса и рабочего коллектива завода «Калибра», ощутив особую атмосферу творческих проблем, душевного единства. Здесь занята вся студия — почти 20 человек, — но нет ни одного исполнителя «массовки», ни одного ансамбля. Каждый студийный участник. У ребят отсутствует понятие «главного» и второго плана: роль — есть спектакль, единое произведение,

в котором каждая «роль», пусть даже мимолетно прозвучавшая, является искренним и насыщенный содержанием. На одной из репетиций, так называемом «прогоне» — без костюмов и грима, мы испытали особую радость: чувство полной и прочной связи трех рабочих поколений. Руководители «Калибра», ветераны завода и юные исполнители спектакля о рабочих людях были озвучены на гостях сказал: «Любодва! Я бы назвал это по-другому: «Единство. Так вернее».

Но лучше о нашем ТРАМе расскажут, очевидно, сами студенты.

Борис ПАНЮШКИН, рабочий.

Мне почти тридцать лет. Есть работа, семья, и они накладывают ответственность за все, что делаешь, чем занят. Но студия стала для меня одним из главных дел в жизни. Это действительно не хобби. Посмотрите, как создается наш первый спектакль, который мы поставили 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Мысль о создании сценического произведения на тему о рабочем классе, в частности об истории завода «Калибра», была горячо поддержана руководителем завода Александром Леонидовичем Ивановым. Мы изучили горы документов, порасспросили многих интересных людей завода. Но плеса в первоначальном своем виде создавалась все же студийным путем: студиями, размышлениями о пути и судьбах рабочих людей в нашей стране, напевы, фантазии и впечатлениям, добываемым нами не только в архивах, но и от живых людей. Мы знаем о том, что Владимир Ильич Ленин 19 октября 1923 года приехал из Горького в Москву. И он тогда был не только в Кремле и в Союльницах, которые он очень любил, но и проехал по рабочим районам. Очевидно вспоминают, что Ильич словно бы прощался с Москвой, с рабочими, которым он отдал всю свою жизнь...

Горьким мы об известном русском революционере, участнике Октябрьской революции в Москве, одним из основателей завода «Калибра», Н. А. Мушкетере, — о его гражданском и трудовом подвиге. И о юном секретаре комсомольской организации завода «Калибра» Сергее Годонове, героически погибшем при форсировании Днепра. Все это так или иначе вошло в наш спектакль, который объединяет два премирности поколений советских людей.

Вокруг студии много друзей. Хорошую песню написал композитор В. В. Золотарев. Большая праздничная премьера этой песни на собрании актива завода. Песня проходит лейтмотивом через наш спектакль:

Ты себе этот путь по призыванию избрал,
Ты искал свое счастье в рабочей судьбе —
Вот и стал человеком такого калибра.
«Что равнялись люди теперя тебе...»

В тесной дружбе с нами работает оркестр, старшему из музыкантов нет и двадцати лет. Этот оркестр никто официально не организовывал — просто на огоне нашего творчества потугались ребята из музыкальных школ и училищ. И руководителем этого оркестра, двадцатидвухлетний Валерий Березин, являлся для спектакля отличному музыканту.

Я не могу сформулировать закон, по которому хорошие люди оказываются в хорошей среде и объединяются ради этого дела. Но закон этот существует. И его друзья — тому свидетельство...

Роза ШУРКИНА, учительница.

— Я не так уж, кто приезжает на занятия в студию издалека, из другой области, Калининской, — там в поселке Завидово и преподаю литературу и русский язык в старших классах средней школы. Мои ученики — дети рабочих семей. И я ощущаю прямую связь с рабочей средой: видеть их, и в нашей профессии трудно так же, как в хорошем театре, очень точно чувствовать, кому адресовано твоё творчество. Я убеждена, что молодость учителя проявляется все его жизнью, иначе становится говорить со своим учениками на разных языках и наступит самое страшное — драма непонимания.

По натуре я человек аспальмный, резковатый. Но мои ученики питают ко мне добрые чувства. Вы спросите, нет ли здесь противоречия. Нет, потому что занятиями в студии ученики понимают степень выражения чувств и владеть ими. Ведь и тишь, и недоверие, и даже отращивание могут быть направлены и на врага и на пользу людям — все зависит от того, как глубоко вы оцените обстоятельства вашего партнера (в данной ситуации ученика, поддосады), его личность и место того или иного поступка в его жизни. А главное, направленность ваших действий. Подруг

ведь не может просто так, ради собственного самолюбия гневаться или даже радоваться. Все, что мы испытываем, — ради наших учеников, ради их воспитанников или порвоспитанников. И они должны на каждом шагу чувствовать внимание к себе, даже когда мы их упрекаем или распекаем. Студия помогла мне разбудить в себе природу этого чувства — не к себе, а к другому человеку».

Я попыталась поработать со своими учениками и над техникой их речи и над правилами литературного чтения, которые почему-то считают необходимым преподавать только в театральных школах. Больше всего тревожились, что ребята будут слишком заниматься «заготовкой» слов. Но ошиблась: они увлеклись. И на уроках вижу паразитические результаты: ребята другим глазами взглянули на ценности русского языка, на звучание литературной фразы, пристыжились для себя сокращенницу, о которой и не подозревали.

Я давно участвую в самодеятельности, читаю, играю в спектаклях, пишу статьи, которые публикуют в печати. Но впервые за все годы меня не волнует ни величина роли, ни возможность выступлений в концертах. Я, если понадобится, смогу быть и осветителем, и рабочим сцены, и режиссером, и спонсором студии. Слишком много по-прежнему влечет меня к театру от нашего ТРАМа.

Да вот пример. Моя землячка и подруга Жена Королева, тоже педагог — воспитательница детского сада, сыграла в одном из наших спектаклей, в «Дальних дорогах» А. Арбузова, роль бригадира мастрострова Лены Плященко (Польки). Спектакль посмотрел сам Алексей Николаевич Арбузов и сказал, что Жене нужно стать профессиональной актрисой — это ее право. Жена ответила так: «Я люблю детей — это мое призвание. А студия помогает мне проникнуть в психологию человека и стать мастером в любом деле...»

Осенью 1923 года встретились актрисы Кулешов (Борис Памятников), его дочь Наташа (Татьяла Орлова) и хозяйка паркета Коля (Сергей Ходяков). Сцена из спектакля.

На заднем, в ровной цепи, рабочий Борис Памятников оглядывается с грустным взглядом; он и здесь достигнет искусства быть мастером своего дела.

Лена Максимов — режиссер. Ее выход позже, но, когда на сцене говоришь, она с нами...

«Но откуда им знать, что нас только вперед?.. Нужно атаковать перемил». (Сергей Губовиков — Владимир Прохоров, держит — Виктор Агафонов). Сцена из спектакля.

Фото Мирослава МУРАЗОВА

Наталья КОРВИНА, студентка техникума.

— Был большой конкурс, когда мы поступали в студию. И нас познанию удивляло: зачем нужно задавать вопросы об отношении к работе, учебе, о событиях в жизни страны и мира? Намется, просто: есть способности и театральному делу — берите, нет — отпизывайте. Но после первого месяца жизни в студии мы сами же стали предъявлять друг к другу не просто теоретские требования. Что ты за человек у себя дома, среди друзей, на заводе, в институте, а техникуме? Эти вопросы стали для нас главными.

Мне намется, что самое дорогое в студии — стремление каждого быть самим собой. Метод, в котором мы воспитываемся, учит нас действовать на сцене в меру того арсенала мыслей и чувств, которым мы располагаем на данной ступени жизни. Но никогда ведь не стайешь правдивым и на сцене, если в жизни будешь казаться, а не быть.

Я вижу, как растут люди в студии. Восемнадцатилетний Сергей Ходякин — будущее, техник-станкистроитель, сдавая зачет по картинам Третьяковской галереи, удивил нас таким тонким и глубоким разбором Суриковского «Утра стрелоскопа», знача, что потом, когда нас пригласили на большую встречу с иностранными студентами в Доме дружбы, мы попросили Серюгу выступить и там. Наши зарубежные друзья были тоже очень заинтересованы его анализом, знаменитой картины.

Наш режиссер-ассистент Сергей Кокорин, которому двенадцать лет, сейчас учится на втором курсе теат-

рально-режиссерского отделения Московского института культуры. И для студии он авторитет: парень всерьез, последовательно увлекается философией, эстетикой, вместе с тем победил на конкурсе чтецов, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Не любю инфантильности, слабохарактерности, которую определяют молодостью лет. И счастлива, что наш ТРАМ пропагандирует мужество, творческую волю, зовет молодых на серьезные, взрослые дела, воспитывает способность активно участвовать в общественной жизни.

Мы мечтаем о репертуаре, который помогал бы раскрывать характеры — сильные, героические. Мечтаем о постановке спектакля, в котором бы прослеживались характеры молодых революционных бойцов, начиная от времени Степана Разина и до наших дней. Хотим поставить и настоящую, динамичную народную комедию. Но главное — хотим стать максимально полезным обществу творческим людом.

Николай ТЫРИН, техник.

— Однажды наша студия Лариса Груднева заметила: я чужаком, как на работе стала по-другому общаться с людьми, и соответственно они по-другому относятся ко мне. Вышло взаимопонимание — вот в чем дело. И это от студийки.

Я слушаю Ларису и думаю о том, что ведь и у меня точно так же. Наверное, в моем характере особенно ничего еще не изменилось. Но чувство ответственности выросло необычайно: не могу же я, Лариса, отвечать за себя и других, одну нотку, одну мораль, в жизни допускать нию. Ну, скажем, потребовало отправить кого-то на работу по строительству парников для Москвы. Меня сразу же отбрасывает гора думать. И я, собственно, не очень уж хотел отрываться от привычного и строгого распорядка жизни: завод, институт, студия.

И все-таки...

Мой сценический герой Игорь Вяжельский становится рабочим, входит в жизнь заводского коллектива, заканчивает рабфака. И в одной из репетиций я вдруг услышала процифрованные наши руководители строки из зависок великого советского актера Б. В. Щукина: «Вельж, очаровательный зритель на сцене, разочаровавший их в жизни». На следующий день я пришел на работу и попросил отправить меня на общественные строительные парники. Студия получила чашку: зная, под открытым небом работая строителем, я, как говорят в театре, «нажал самочувствие своего героя в сцене строиком завода «Калибра».

Почетными членами нашей студии стали и член КПСС с 1917 года, жена и боевой соратник легендарного нашего друга гражданской войны Ф. Е. Ростова-Щорса, и народный артист СССР А. В. Жилцов, участник Октябрьской революции в Петрограде, и народный артист РСФСР Ф. М. Никитин, командир агитзаста Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны, и ветераны-кавалеры: бывший директор завода Г. М. Михайлов и депутат Моссовета И. К. Годимов. Рядом с ними нельзя не упомянуть душой наших интеллигентских в запасе. Рядом с ними, глядя как в глаза, постоянно поминать о том, что космополит — звание, за которым Большая часть населения перед людьми. Ответственность по-прежнему: на заводе, в институте и на сцене Театра рабочей молодежи. Это не разные вещи. Это одно, общее. И одинаково нужное людям.

Наши публикации

ИЗЪЕМА ГАЙДАРА

В 1950 году в Арамасе удалось размекать письма Аркадия Гайдарова (Аркадия Гайбара), которые он писал своему отцу с 1907 по 1923 год.

Интересна судьба этих писем. Отец Гайбара — Петр Исидорович Голиков подал их в период двух революций и гражданской войны. Писал их Аркадий на фронт, иде отцу воевал против врагов молодой Советской власти. Петр Исидорович счел сокровищем письма в советской войне, промостил их через суровые дни фронтовой жизни, а после демобилизации привез их в Арамасе. В 1937 году он умер, а его жена Лидия Павловна сохранила письма, за что мы, почитатели любимого писателя, искренне ей благодарны. В 1950 году Лидия Павловна любезно позволила снять копии с этих писем. Данная публикация и комментарий подготовлены А. М. Хомячкиным, товарищем Гайбара по совместной учебе в Арамасском реальном училище в 1912—1918 годах.

Письма публикуются впервые.

Аркадий Гайдар (1918 г.). Снимок сделан незадолго до выступления Гайдара добровольцем в Красную Армию.

Это письмо было написано приблизительно в июне 1917 года. Вот какие вопросы задавал тринадцатилетний Аркадий своему отцу:

Милый, дорогой папочка!

Письм мне, пожалуйста, ответы на вопросы:

1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, говорят они так, что будут наступать лишь только в том случае, если сначала выйдут на передний фронт тыловые буржуазия и когда мы объяснит, за что они воюют?

2. Не подорвана ли у вас дисциплина?

3. Какое у вас, у солдат, отношение к большевикам и Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы, так как выслушаю от них говорат.

4. Что солдаты, не хотят ли они сварчатного мира?

5. Среди состава ваших офицеров какая партия преобладает? И как вообще, как они смотрят на текущие события? Какой у большинства лозунг? Неужели — «война до победного конца», как кричат буржуи, или «Мир без аннексии и контрибуции»?

Как ты живешь, милый папочка, нет ли чего у тебя нового?

Если ты приходишь после сентября, привези мне чего-нибудь с собой, а то Тренину¹ прислал винтовку, а у Хомячкина² их 8 штук.

До свидания, дорогой.

Тороплюсь потому, что надо идти и раненым на беседу «о мире». Крепко целую. Твой сын

Аркадий Голиков.

Письм мне на все ответы, как взрослому, а не как малышке.

* * *

25 июня 1917 г.

Дорогой папочка!

Я тебе давно не писал, но теперь напишу за все. Жизнь у нас идет своим чередом, особых новостей почти нет, разве только то, что я занимаюсь геометрией, французским и личной вперед. Между прочим, занятия у нас начинаются с 11 сентября, чему я особенно рад, так как это лето идет довольно однообразно, а там интересней, там товарищи, Боготна, шалости и муштуеть себя в своей атмосфере.

И хочется видеть, неужели наша школа в самом близком будущем нечем не изменится от старомодной, сухой и чиновничьей. Ах, папа, к нам ясное новшество проникают с большим трудом и вообще Арамас представляет из себя

¹ Тренин и Хомячкин — наши товарищи по Арамасской школе.

не что иное, как яму. И в самом деле, чтобы здесь люди жили общественной жизнью, чтобы их заставляли текущие события — да никогда!

Например, у нас в училище все учителя — кадеты, ну и столкуются с ними. Они всячески стараются оградить школу от всего нового. Мы, ученики, отвоинили себе право устраивать комитет и передавать на суд его большинство классовых недоразумений, жалоб учителей и на учителей. Постраваем, чтобы нам удалось провести в этом году, чтобы один представитель от нашего четвертого класса присутствовал на родительских советах, хотя бы с правом совещательного голоса. Не знаю, пройдет ли это, ибо учителя и родители (некоторые) заявят, как это полагается в этих случаях: «мы ваши отцы, а вы наши дети» и прочее и прочее, что они однажды заявили ученикам седьмого класса, когда те потребовали, чтобы им разрешили присутствовать на родительских советах. И все боялся, как бы их учить не стали, да никто их учить и не собирается. Не могут понять, что должны же ученики знать, что делают отец и только. Ведь о учениках же решают, как же ученикам не знать того, что о них решают? Я бы с удовольствием уехал отсюда. Кажется, писать больше нечего. Напиши, когда придешь.

Стоковался я по тебе. Вот когда ты был бы мне нужен.

Целую крепко, крепко.

Аркадий Голиков.

Скоро ли кончится война, скоро ли будем вместе!

* * *

Между этим и следующим письмом проходит большой срок: от июля 1917 до октября 1918 года. Нет никаких сомнений, что и в это время Аркадий писал отцу, но писала эти, и сожалею, не сохранились. Эти оба письма в основном о школе, о занятиях, о той общественной работе, которой занимался Аркадий в реальном училище.

4 октября 1918 года.

Крепко целую моего милую папочку и надеюсь, что он простит меня за то, что я давно не писал.

В начале я уже давно вступил, и классная жизнь идет у нас своим чередом. Я еще тебе не писал, что я выбран в Комитет и получил большинство голосов... Наш Комитет состоит из пяти членов. Комитет у нас работает довольно много. Много вынесено резолюций, которые исполняются классом довольно охотно. Наш Комитет без председателя, но самую высшую должность, а именно делегат в различные учреждения, занимаю я.

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

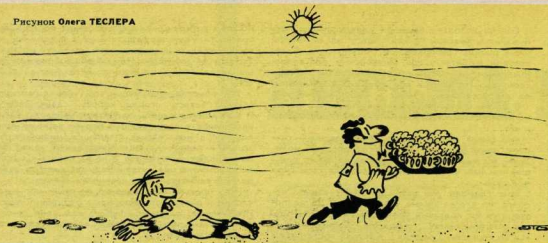

Рисунок Анатолия БУДИЛОВА

Рисунок Игоря ВОРОВАБЕВА

— А НЕ НРАВИТСЯ, ТАК УБИРАЙСЯ ОТСЮДА ВОНИ..

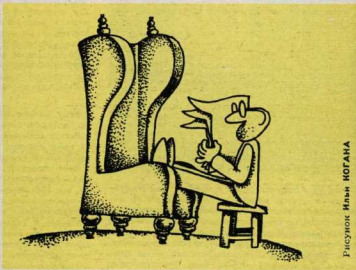

Рисунок Ильи КОГАЛА

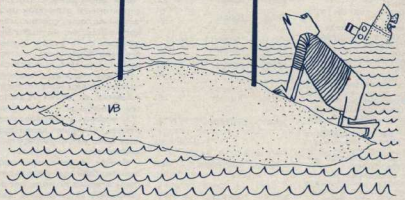
Рисунок Виталия ПЕСКОВА

1. Питайтесь разнообразной пищей.
2. Ешьте 4 раза в день, через одинаковые промежутки времени, обязательно в одни и те же часы.
3. Перед едой мойте руки с мылом.
4. Ешьте на отдельной чистой посуде.
5. Сырые овощи и фрукты перед едой тщательно обмывайте кипяченой водой.
6. Ешьте не спеша, хорошо разжевывайте пищу, культурно ведите себе во время еды.

Рисунок Владимира ИВАНОВА

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Художник Г. С. Терзибашьянц

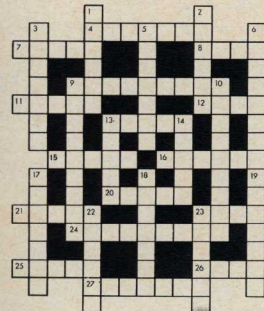
Технический редактор Н. И. Будюня

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Вузальный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 9/IV 1970 г. А 00061. Подписано и печ. 30/IV 1970 г. Формат бум. 70 x 108/16. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 260 000 экз. Изд. № 1104. Заказ № 1078. Бюро Лепкина типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил Б. ВАСИЛЬЧЕНКО

По горизонтали:

4. Город в Финляндии, где состоялась первая конференция РСДРП. 7. Немецкий поэт, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 8. Обширное водное пространство. 9. Сибирское село, где создается мемориальная зона, посвященная В. И. Ленину. 11. Дельта плуга. 12. Песнь, народный артист СССР. 13. Приток Оби. 15. Философское учение о вероис. 16. Поэт, автор пролетарского гимна «Интернационал». 20. Город в Приморском крае. 21. Герой рассказа М. Горького «Старуха Маргарита». 23. Струнный ударно-клавишный музыкальный инструмент. 24. Один из двадцати шести банкинских комиссаров. 25. Герой повести А. Гайдаря. 26. Республика в Африке. 27. Стихотворение В. Маяковского.

По вертикали:

1. Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 2. Специалист по изысканию полезных ископаемых. 3. Сауляктор, лауреат Ленинской премии. 5. Небесное тело. 6. Неординарный чемпион мира в мототанках на льду. 9. Город, место действия в романе Н. Островского «Как закалялась сталь». 10. Персонаж повести Э. Казакевича «Синяя тетрадь». 13. Газета, основанная В. И. Лениным. 14. Песня В. Билюк-Велоцерковского. 17. Гидроэнергетик, академик, участвовавший в составлении плана ГОЭЛРО. 18. Часть травянистого растения. 19. Один из руководителей подпольной комсомольской организации Коопсоюза. 22. Город в Калининградской области. 23. Итальянский писатель, автор популярных детских книг.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 7

По горизонтали:

3. Граната. 7. Дейтунг. 8. «Грунтал». 9. Норвегия. 13. Уэльс. 15. Шриффт. 17. Транспортер. 18. Самара. 19. Угале. 20. Папу. 21. Кюде. 22. «Зинане». 23. Мозырь. 27. Лютосфера. 28. Кисть. 29. Носорог. 30. Каната. 34. Вильхов. 35. Габрово. 36. «Охотник».

По вертикали:

1. «Артиф». 2. Пастух. 3. Гурталь. 4. Арун. 5. Метель. 6. Снегиза. 9. Статуэтка. 11. «Аист». 12. Абонент. 13. Уваркин. 14. Стекло. 15. Шурман. 16. Толодор. 23. Нисский. 24. Оог. 26. Застава. 30. Конго. 31. Нестор. 32. Акумъ. 33. Албон.

1. В прямоугольнике уложите эти девять черных частей так, чтобы они образовали замкнутую фигуру, разделяющую кружки от крестиков.

МАРШАЛ
МЕРЛИН
НУБ

2. Сумма всех пяти чисел каждого круга составляет 65. Мысленно переверните круги вокруг оси так, чтобы на цифре составили пять радюсов, причем сумма чисел каждого радюса равнялась тоже 65.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ «СМЕНЫ» № 7
1. Протопей только шарик № 1

Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА
Слова Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

БАЛЛАДА О БЕССМЕРТИИ

Сказку в вал готеру —
Жаль, если не сумею —
Как наш товарищ пел
В двадцатом. Перед смертью
Он умер для того,
Чтоб мы не умирали.
Каратели его
Израильном брали.

Заржавленным ярутом
Испытывали силу.
Умалыли. Потом
Велели рты могилу.
— А может, ты споешь! —
Смелась, спросил хорунжий
Надуть, будто он,
Уешанный оружием.

Луна ползла, как тиф.
Безизменно. Сурово.
И вздыблился моток!
И зазвучало слово!
Пел песню комсомолец.
Пел, выбрав гимн из гимнов.
Пел, будто воскрес!
Пел, голозу закнису.

Пел, будто был внио.
Пел, завзвася здравьем.
«Мы наш, — он пел, — мы но...
Мы новый мир построим!»

Был томным, как земля,
И доктор, как из банки.
Пел, еле шепеля
Разбитыми губами.

Шептал слова не в такт.
Упрямло повторялся.
И получалось так,
Что он не пел, а клялся!
Лытые фразы жгли,
С зарей паромалась.
Хорунжий крикнул: «Плещ!
А песня продолжалась!»

Была грозе сродни,
Светилась и трубила.
В руках у солдатки
Плясали карбыни.
Дромали мелодии —
Ны стая и ны прытки.
Великие певцы,
Пожалуйста, закройте!

Смотри, уходит мгла,
Светлеет небопись,
И силу набрала
Расстрелянная песня.
Широким дельм исвет,
Над неизменною неопетой,
А песня та звучит
Уже над всей планетой!

Наша выставка

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

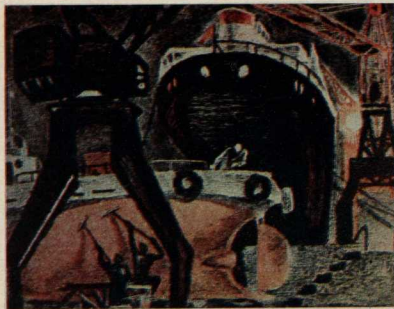
О молодых принято говорить у них все впереди. Как будто этим можно оправдать малость уже сделанного.

Молодого московского графика Юрия Атанова не надо «оправдывать будущим»: уже сейчас он твердо стоит на ногах, самостоятельно, вдумчиво, требовательно разрабатывает свою тему. Сначала она была лишь левой его темой, дипломной работой, объединенной одним названием — «В Кузбассе». С тех пор Юрий Атанов широко варьирует тему труда и че-

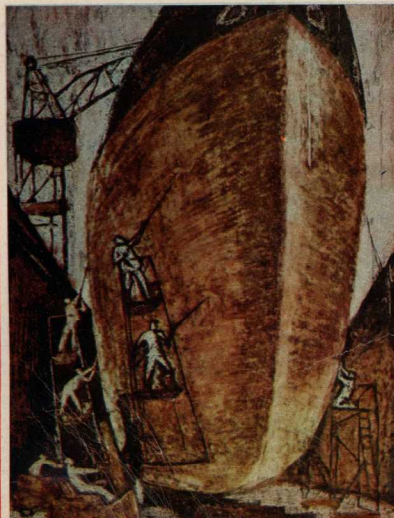
ловена в трудовых буднях, тему великих дел руи человеческого.

Два года работал Юрий Атанов над монументальным «Новороссийский судоремонтный завод». Началось все с эскизурной группы художников из Дома творчества «Горюхи», которых привезли в Новороссийск, показали им судоремонтный завод. Тем, кто заинтересуется, предложили остаться поработать «на натуре». Юрий остался сначала на десять дней, потом, уже из Москвы, стал приезжать на ме-

Новороссийский судоремонтный завод.

Красят корабль.

Ремонтируют шпнт.

Монтажник.

Ремонтируют якорь.

сиц-другой, делал эскизы и, вернувшись домой, выполнял в материале задуманное.

Искренности увлеченности грандиозностью индустриального пейзажа, благородством и масштабом созданного трудом и разумом человека помогли молодому графину найти точные художественно-образные средства.

Серия «Новороссийский судоремонтный завод» отныне является панорамным изображением доков, где фантастические — для непосвященного человека — изломы кранов пересечаются с монументальными очертаниями кораблей, и все обращено в резко контрастирующие красно-черные тона. От панорамы, через большие конструкции деталей кораблей, на фоне которых люди кажутся чересчур маленькими, — к крупным обобщенным портретам рабочих заведомо ремонтников, монтажников... Мысль художника имеет четко выраженный на листе решенный нет, но маленькие, незаметные люди «прилепились» и обширные корабли — это те сильные, могучие из «племени богатых», которым по плечу большие дела и только им дано возвращать жизнь многотонным кораблям-гигантам.

Не случайно эти работы Юрия Атанова были хорошо встречены зрителем на выставке посвященных 50-летию Советской власти и 50-летию ВЛКСМ.

Сейчас Юрий Атанов готовит серию работ, посвященных Великой Отечественной войне и мирной послевоенной жизни, и тут снова возродилась та тема, которая, по словам Юрия, стала теперь для него «главной на всю жизнь»: солдаты, вернувшиеся с войны, заняты мирным трудом...

Наталья ДМИТРИЕВА

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820